

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

МЕЧ ГОСПОДА
НАШЕГО. КНИГА 6.
МРАК ПОД СОЛНЦЕМ

Третья Мировая война

Александр Афанасьев

**Меч Господа нашего.
Книга 6. Мрак под солнцем**

«Остеон-Групп»

2020

Афанасьев А. Н.

Меч Господа нашего. Книга 6. Мрак под солнцем /
А. Н. Афанасьев — «Остеон-Групп» , 2020 — (Третья Мировая война)

ISBN 978-5-98551-264-9

Продолжение витка альтернативной истории, за перипетиями которой читатель мог следить в первых пяти книгах сериала. Каддафи больше нет в живых, в Ливии идет война, а ихтамнеты со всех стран на территории страны решают свои вопросы и помогают решать вопросы боссов. Один из них — Николай — прибывает в Ливию на контракт — но начинает понимать что начальство ведет грязную игру. Он получает подтверждение этого когда попадает в плен, но чеченский амир вместо того чтобы казнить его предлагает спасение в обмен на связь с русской разведкой — у него есть информация и он хочет обменять ее на безопасность. Ему удастся бежать из плена с помощью индийского оперативника — вместе с ним бегут четверо американцев, которые тоже пытались выяснить что делается и попались. Чеченец пытался выйти и на ЦРУ через них — но они отказались. Постепенно становится ясно — у экстремистов есть две пусковые установки СКАД оставшиеся от Каддафи. И две атомные боеголовки. И они намерены запустить СКАДы... Между тем группа американских агентов ДЕА (борьба с наркотиками) застигнута наступлением в Кабуле, город вот-вот падет. Но они понимают, что город набит деньгами и наркотиками. И решают обеспечить себя на всю жизнь...

ISBN 978-5-98551-264-9

© Афанасьев А. Н., 2020

© «Остеон-Групп» , 2020

Содержание

Часть 1	8
Лампедуза, итальянская территория. Гражданский аэродром. 05 мая 2015 года	8
Центр Москвы. Зима 2015 года	12
Ливия, неконтролируемая территория. 05 мая 2015 года.	16
Полевой аэродром	
Российская Федерация. Ближнее Подмосковье. Зима 2015 года	30
Сирт, столица племенной территории Варфалла. Аэропорт	32
Гардабайя. Объединенная зона безопасности. 11 июня 2015 года	
Российская Федерация. Ближнее Подмосковье. Испытательный полигон курсов «Выстрел». Зима 2015 года	39
Северные территории Ливии. Пограничная зона. 13 июня 2015 года	43
Российская Федерация. Ближнее Подмосковье. Осень 2014 года	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Афанасьев

Меч Господа нашего

Часть 6

Мрак под солнцем

Немного насилия никогда не бывает лишним.

Крис «Легенда» Кайл, снайпер US Navy SEAL.

Самый результативный снайпер в американской истории. 255 попаданий.

Что произошло в Ливии?

В Ливии в начале нового века произошла ни много ни мало цивилизационная катастрофа. Страна, которая по многим основным показателям конкурировала со странами даже не второго, а первого мира, страна в которой ВВП на душу населения составлял больше шестидесяти тысяч долларов – в течение нескольких месяцев, объединенными усилиями собственных сепаратистов и мирового сообщества была отброшена в кровавое средневековье. Независимо, кто и что хотел получить, от кого и чего хотел добиться. По факту получили новое Сомали, Триполи превратился в новый Бейрут. Самым страшным оказалось то, что и Ливан и Сомали скатились в пропасть гражданской войны исключительно собственными усилиями и по своей воле. Ливия же стала первым примером, когда гражданская война и распад государства произошли вследствие усилий международного сообщества, прикрывшегося лицемерными понятиями гуманитарной интервенции и нагло извратившего резолюцию Совета безопасности ООН. Впервые ООН выступила не как стабилизирующий, а как однозначно дестабилизирующий фактор, впервые ООН дала старт гражданской войне, а не прекратило ее. Без международного вмешательства Муаммар Каддафи подавил бы исламистский мятеж, а потом продолжил бы строительство рукотворных рек для обводнения пустыни и отелей высокого класса на берегу Средиземного моря. Вместо этого – мир получил то, что один итальянский журналист окрестил «Мрак под солнцем».

Чего хотел Запад? О, он много чего хотел. В российских СМИ проскакивала информация о том, что французский президент Саркози начал войну, чтобы не отдавать взятые на предвыборную кампанию в нарушение закона займы у Каддафи. Или чтобы получить нефтяной резервуар для своей страны и для Евросоюза. Но такие объяснения не выдерживают никакой критики. Конечно, Саркози не брал никакие займы у Каддафи, ради которых стоило начинать войну. И конечно же – Ливия была не самым плохим партнером в области снабжения нефтью. Достаточно было оказывать лично Каддафи некие знаки внимания, мириться с его, мягко говоря, странностями – и Ливия поставляла бы высококачественную нефть исправно, по рыночной цене и намерена была делать это впредь. Диктатор намеревался развернуть грандиозное строительство, намеревался качественно перевооружить свою армию, намеревался закупить французские самолеты «Рафаль», которые никто в мире не хотел покупать. Менять это на толпы беженцев, теракты на нефтехранилищах, резкое обострение ситуации во всем регионе, требующее постоянно держать авианосец «Шарль де Голль» у ливийских берегов – полный идиотизм.

Проблема была как раз в том, что Европа поддалась иррациональным мотивам поддержки экстремистов и сепаратистов. Рациональных мотивов не было – ну какой может быть рациональный мотив в поддержке бандформирований, лидер которых сидел в Гуантанамо за терроризм? Свою гибельную роль сыграли принципы. Россия в этом смысле была проще – она была абсолютно беспринципна и руководствовалась лишь рациональными сооб-

ражениями. Так, президент Медведев тоже сделал ставку на принцип, решил показать всему западному миру «Я свой», со скандалом отозвал посла и приказал поддержать резолюцию Совбеза ООН – и катастрофически проиграл. А вот у Европы соображения были другие. То, что диктатор, находящийся у власти не один десяток лет, бомбит своих подданных с самолетов нарушало практически все европейские принципы, составляющие саму сущность европейского объединения. Это было зло, зло в чистом виде и оно требовало немедленного вмешательства. Европа не могла бы оставаться Европой с моральной точки зрения, если бы не вмешалась. Примерно то же самое Россия делала в Чечне – и Европа с удовольствием вмешалась бы и там. Да только боязно было получить по зубам – вот и молчали. А Ливия – не Россия, была возможность вмешаться – вмешались. И то, что борцы за свободу отсидели за терроризм и мастерили пояса шахидов – никого не остановило...

Позиция Китая в этом конфликте тоже была чисто рациональна, он отстаивал свои позиции в Африке, свои капиталовложения в Африку. А вот про позицию России, вероятно, следует сказать отдельно.

В предвоенной ситуации, вероятно, только Россия поняла все правильно: этим объяснялась и ее дипломатическая позиция и резкий рост расходов на перевооружение. В отличие от более молодого президента Медведева, председатель правительства, а потом и президент Путин – единственный из мировых лидеров первой величины имел опыт жизни в потерпевшей крушение империи. Президент США, президент Франции, премьер-министр Италии такого опыта не имели, – а премьер-министр России имел. Он был подполковником КГБ, когда рухнул Советский Союз и вся его жизнь, все его планы – всё в одночасье превратилось в ничто. Он не сдался – и в течение девяти лет прошел путь от чиновника городской администрации до главы государства – но произошедшую катастрофу он уже не в силах был забыть, этот опыт навсегда остался с ним. В Европе, в США, существовавших без войны семьдесят лет – создалась иллюзия некоей незыблемости западного мира. Если капитализм победил, Советский Союз был повержен, то всё то, что есть сейчас – останется так навсегда. Какие бы ошибки не были совершены, какие бы боевики не пришли к власти в Ливии, в Египте, в Сирии – в любом случае основа останется неизменной. Премьер Путин знал, что всё это не так, что для крушения великой страны достаточно порой малого толчка, что для крушения миропорядка не так уж много и надо. Именно поэтому Россия заняла позицию категорического противника «арабской весны» и защитника Сирии, одновременно прикладывая все усилия к тому, чтобы перевооружиться перед новой мировой войной. Постепенно и Европа начала понимать, каких демонов выпустила на свободу. Вот только было уже слишком поздно...

Часть 1

Мрак под солнцем

Лампедуза, итальянская территория. Гражданский аэродром. 05 мая 2015 года

Триполи не принимал. Мисурата тоже. Лететь в Бенгази было безумием – по слухам, аэродром там работал, но город был под контролем Партии исламского освобождения Ливии, состоящей из «братьев-мусульман», местных ваххабитов и других экстремистов. Ещё позавчера Триполи принимал – но новый обстрел аэропорта снова вынудил закрыть его и когда откроют – неизвестно. Промежуточные рейсы принимала Лампедуза.

В числе других пассажиров, следовавших в Ливию транзитом через Рим, был неприметный, неболтливый, но крепкий с виду и поразительно спокойный человек. На вид ему было около сорока – подтянутая фигура наводила на мысль о тридцати пяти, но обветренное, суровое лицо и застывшее пламя в глазах – поднимало эту планку до сорока пяти или даже больше. Тридцати трех – а столько было ему на самом деле – ему никто не давал.

Человек этот летел с обычным багажом, с каким летают военные. Бронежилет – современный, американского производства, компас, хороший фонарь, небольшой бинокль, мобильный коммуникатор и сотовый телефон, оба – в исполнении *Heavy Duty* для плохих условий эксплуатации, немного сухих пайков. Неброская, но крепкая, из современных тканей одежда, такую шьют для наёмников. Никакой воды – из-за угрозы террора на борт самолета с бутылками воды больше не пропускали. Он пил воду, покупая ее в аэропортах, не употреблял спиртного, питался в кафе быстрого питания, ел мало и скромно, предпочитая пиццу. Самолет вылетел с большой задержкой – но он не ныл, не жаловался и не возмущался, как это делали гражданские. По всему было видно – военный, привыкший к самым разным условиям существования и не ропщущий по поводу тягот и лишений.

В самолете на него никто не обращал внимания, и он ни на кого не обращал внимания. Летел в эконом-классе. Единственно, что могло удивить – то, что он наотрез отказался сдавать свои вещи в багаж. Но места в самолете были – после закрытия Триполи многие отменили свою бронь...

Аэропорт Лампедузы был довольно приличным для этого маленького островка – бетонная полоса длиной 1800 метров. С началом войны в Ливии он превратился одновременно и в перевалочный пункт для военных грузов и в чудовищный лагерь беженцев для тех, кто бежал от войны в Европу. До Лампедузы добирались вплавь, на утлых рыбацких лодках, здесь беженцев никто не ждал – но они упорно прибывали и прибывали для того, чтобы занять место в трюме маленького рыбацкого траулера, ходящего по ночам до Сицилии. За рейс брали тысячу евро, можно было золотом – а золото у прибывавших из Ливии людей все же бывало, на Востоке многие вкладывают в золото. Добираясь до Сицилии, эти люди либо поступали в услужение (точнее в рабство) мафии, которая скоренько организовала подпольные фабрики по производству ширпотреба в горных сицилийских деревушках, либо пытались перебраться через пролив Мессина на материк. Основные блок-посты итальянских карабинеров и финансовой гвардии были именно там, они выполняли ту же роль, что и заградительные посты римских легионов тысячелетие с лишним тому назад: не допустить бегства рабов. Товары же, произведённые на рабских фабриках пропускали беспрекословно: мафия хорошо платила и рисковать жизнью никто не хотел. Но многие всё же перебирались через пролив – ровно для того, чтобы попасть на подпольные фабрики Ндрангеты, Онорато Сосьете или неаполитанской Каморры. Вход был

один, и выход был один и вариантов больше не просматривалось: после начала торговой войны с Китаем и девальвационной гонки эти подпольные фабрики – во многом заменили в Евросоюзе китайский ширпотреб. Никто не хотел ничего знать, никто не хотел ничего видеть и слышать: Италия, как и все страны Евросоюза балансировали на краю долговой ямы и рабский труд ливийцев, сомалийцев, египтян был тем эликсиром, тем наркотиком, который, впрыснутый в жилы в достаточном количестве, мог хоть немного омолодить старушку Европу. До самой континентальной Европы мало кто добирался – но кто-то же добирался, и недавнее покушение на президента Франции говорило о том, что добирался с совсем недобрыми целями.

«Аэробус-300» остановился на свободной стоянке, с одной стороны был Ил-76, с другой – новенький, собранный в Казани Ан-70. Ил-76 принадлежал авиакомпании «Волга-Днепр», Ан-70 – МЧС России, которая тоже в последнее время стала серьезно подрабатывать на рынке коммерческих перевозок. Русских здесь было много, по всему аэропорту слышалась русская речь – свободные транспортные самолеты, способные совершать посадки на скверные, грунтовые аэродромы были только у России. Поэтому больше половины контрактов на перевозки на дикую территорию держала Россия.

Трап подали, но автобуса не было – единственный, который имелся здесь, давно вышел из строя и чинить его никто не собирался.

Забросив сумку на спину, прилетевший из Рима человек встроился в цепочку людей, тащившихся к зданию аэропорта под палящим солнцем...

Таможенные формальности были сведены к минимуму – прилетевших проверять не было смысла, многие были по государственным или частным военным контрактам. Таможенник шваркал какие-то печати в паспорта всем по очереди и ничего не проверяя, визы тоже не было нужно. Когда до него дошла очередь – человек из Рима сунул таможеннику русский паспорт и пластиковую карточку, похожую на международные водительские права.

– Николай Орлов? Контракт ООН?

– Да.

Шварк – проходи...

В самом аэропорту было душно, кондиционеры не справлялись. Пол не мыли, по крайней мере, месяц, везде – на пластиковых стульях, на вещмешках, на полу сидели люди, и их было много. Пахло немытым телом, потом и спиртным...

Орлов остановился перед висящим на стене телевизором с большим плоским экраном. Его мало кто смотрел, его присутствие ощущалось как некий фон. А вот Николаю посмотреть было интересно.

Телевизор был настроен на CNN.

... и как только что стало известно, ударный авианосец «Джордж Буш» примерно час назад прошел через Гибралтар, чтобы присоединиться к авианосцу «Теодор Рузвельт», уже находящемуся у берегов бывшей Ливии. Напомним, что прошлой ночью самолеты палубной авиации США нанесли новые ракетно-бомбовые удары по целям в Восточной Ливии. Президент США в своем еженедельном телеобращении в ответ на вопрос о планируемом вторжении в Ливию заявила, что идет плановая перегруппировка сил в Средиземном море и «Теодор Рузвельт» проследует в Индийский океан после того, как Джордж Буш займет позицию. Однако, как подчеркнула госпожа Президент – удары по позициям боевиков, препятствующих стабилизации обстановки в Ливии будут продолжаться. Соединенные штаты со всей решительностью обрушатся на экстремистов, препятствующих продолжению процесса примирения в Ливии, и заставят их выполнять решения контрольной комиссии по ливийскому урегулированию...

Контрольная комиссия по урегулированию заседала как раз в Риме, откуда он прилетел. США, ЕС, Россия и Китай плюс племенные вожди. За то время, которое прошло со времен ливийской революции – вожди научились кое-как носить костюмы, регулярно мыться и давать

обещания. Изначально честные, примитивные бедуины – теперь они поняли, что Западу нужна только видимость. Достаточно сказать правильные слова перед камерой, с суровым видом подписать какой-то документ, пообещать соблюдать права человека – и их оставят в покое до очередной вспышки массового насилия или до вопиющего случая. Случая типа вырезанной на глазах западных репортеров деревни, массовой атаки лагеря ООН, угона автобуса вместе с врачами. Достаточно сделать несколько заученных движений – как в бальных танцах и этого в глазах Комиссии будет достаточно. Рим и Триполи существовали не по разную сторону одного моря, они существовали в разных вселенных, в разных временных и ценностных измерениях. Все лгали... западные союзники знали, что ливийцы лгут, но решать проблему не хотели, потому что... потому что не хотели. И ливийцы знали, что когда западные партнеры говорят о помощи – они лгут, потому что всё, что им надо – это нефть. Им наплевать на ливийцев, на племена, на арабов, на египтян... «Дайте нефть и все будет зашибись». И они смотрели друг другу в глаза, смотрели прямо и честно... и клялись в приверженности единым ценностям... и подписывали одни и те же документы... но в нескольких сотнях километров от них маховик вялотекущей войны вращался неторопливо, солидно, размеренно, перемалывая в кровавую кашу и арабов и ливийцев и войска ООН и американских контрактников, охраняющих месторождения, и мужчин и женщин и стариков и детей с неотвратимостью бульдозера, которым трамбуют отходы на свалке. Каток медленно катился по стране, и хруст костей заглушался предсмертными криками попавших под каток людей, и кровавая жижа неторопливо растекалась, чтобы быть впитанной песком, который уже впитал кровь и римлян и французов и итальянцев и немцев и арабов и бедуинов... всех. В этом – были все равны. Все – едины.

Орлов знал это... он видел это и видел уже не раз, у него не было никаких иллюзий ни относительно прошлого, ни относительно настоящего, ни относительно будущего. Чечня, а потом Ирак... две разные и в то же время поразительно схожие войны... по разочарованию всех сторон, по изменению первоначальных целей, по запашку разложения, по общему ощущению медленно и неотвратимо надвигающейся катастрофы. Ничего хорошего не стоило ждать и здесь, и потому – Николай Орлов просто стал искать место, где бы ему пристроиться и немного отдохнуть...

– Эй, москаль!

Он обернулся. Наголо бритый мужик без типично-украинских вислых усов, но по акценту точно украинец – поднимался со своего тюка с вещами. Ну, да, как украинец – и без тюка с вещами...

– Это ты мне?

– Тебе, тебе. Чё, по ногам как по асфальту?

Николай недоуменно пожал плечами. Вообще, в среде военных контрактников – а этот мужик, судя по разгрузке, именно к таким и относился – подобные разборки с хулиганскими предъявами типа «ты ваще с какого района?!» не были приняты. Все делали одно дело и работодатель в общем-то был один – а американцы не терпели разборок по национальному признаку в армии и это, соответственно плавно перетекло в фирмы, занимающиеся частным военным бизнесом. Нет, иностранца по деньгам они конечно проще прокинут, чем американца, потому что иностранец не сможет нормально защитить свои интересы в американском суде. Но вот разборок между наёмными иностранцами они не терпели, потому что это вредило делу или могло навредить.

– Я не заметил, извини.

– А я тебе чё, микроб?

Разборка плавно скатывалась к типично советскому «пойдем, выйдем».

– Э, Петро! – лениво сказал один из хохлов рядом.

– Глохни!

Все понятно. Любви между русскими и западенцами не было никогда – а теперь, после кровавой гражданской войны на Украине, где западноукраинцы приняли и принимали на себя основной удар войны – искрило повсеместно и по самым малым поводам. У каждого был счёт, счёт кровавый, западенцы и свидомые получили своё собственное государство, но отчётливо понимали, что оно существует ровно столько, насколько сильны поляки и американцы. Стоит хотя бы одному пошатнуться... и всё. Это придавало свидомым дополнительной ярости, ярости от безысходности. Этот был ростом под два метра – и решил не упускать момента.

– У тебя проблемы, парень?

– Да нет, москаль. Проблемы у тебя...

Николай не был драчуном. Не был он и большим специалистом по рукопашному бою. Обычно, хорошие стрелки беспомощны в рукопашке и наоборот. Николай никогда серьезно рукопашкой не занимался – но в свое время инструктор показал им два десятка приемов и два десятка точек на теле человека, попав по которым можно было искалечить и даже убить. Все это не было предназначено для соревнований и даже для относительно честной уличной драки, назначение этих приемов было: позволить перейти в атаку из критической ситуации, завладеть оружием противника и продолжать бой. Или, по крайней мере, прорваться, и дай Бог ноги. Николай мог искалечить этого ублюдка тремя или четырьмя способами – вот только здесь была не иракская пустыня и не улочка в чеченском горном селе. Здесь был аэропорт цивилизованной страны, и искалеченный ублюдок непременно обернулся бы привлечением внимания, каталажкой, высылкой, сообщением в ООН, где ему сварганили легенду. Ничего из этого Николаю не было нужно, но и драку с амбалом он обречен был проиграть.

– Я не хочу с тобой махаться. По крайней мере, здесь.

– Чего?!

– Эй, парень, у тебя проблемы?

Проходивший рядом мужик резко остановился – а за ним остановились и те, кто был с ним. Русские – не остановились бы, в России долгие годы перестройки и дикого капитализма начисто отучили людей вмешиваться в чужие дела. Но это были американцы и амбал сразу утух, услышав английский язык.

– Нет, мистер. Проблем нет.

– В таком случае, почему ты стоишь, а не сидишь? О чем вы разговариваете?

Амбал злобно взглянул на Николая.

– Проблем нет, – повторил он.

– Если нет проблем – сядь и заткнись! – отрезал американец. Он не собирался оставлять это просто так.

Амбал не хотел этого делать, видимо, в украинской группе он был неформальным лидером и теперь смириться означало потерять часть авторитета. Но американцев было несколько, сородичи не проявляли никакого желания вступать в конфликт и поддерживать своего лидера, с американцами ссориться было чревато. Американцы и британцы входили в руководство подавляющего большинства частных военных компаний, они стояли у денежных потоков и решали – кого нанять, а кого послать куда подальше. Испортишь отношения, пойдёт о тебе дурная слава – и с карьерой наёмника можно было распрощаться.

И потому он сел и отвернулся в сторону.

Американец – хлопнул Николая по плечу и продолжил свой путь. Следом за ними пошел и Николай... он устал и хотел урвать хоть немного сна.

Центр Москвы. Зима 2015 года

КГБ СССР – был известен тем, кому он должен был быть известен по некоторым символам. Центральное место среди них занимало здание бывшего страхового общества Россия, почтовый адрес – Лубянская площадь, Дом 2. Его так и звали среди своих – Дом-Два. Теперь так не называют – из-за скандального телешоу с тем же названием. Про этот дом с мрачно-строгой статуей Дзержинского перед ним – рассказывали самые разные истории и небылицы. Что в подвале его расстреливали людей – на самом деле, даже в тридцать седьмом расстреливали в другом месте. Что стены в нем – затянуты в бархат красного цвета от пола до потолка. Что где-то в здании есть что-то вроде алтаря – Вечный огонь и рядом с ним книга в черном переплете, в которую вписывают имена особо ценных агентов. На самом деле, если вы попадете в здание – вы удивитесь тому, что увидите. Теснота и старомодные кабинеты, усталые, серые, недовольные люди в коридорах, в основном в штатском. Это здание – уже давно в основном выполняло представительские функции, капитального ремонта здесь не делали черт знает сколько времени и наиболее серьезные подразделения выбивали себе деньги и строили неприемные «стеклянные», то есть облицованные зеркальным стеклом особняки в самых разных местах Москвы и Ближнего Подмосковья.

В СВР, службе внешней разведки – ситуация с площадями не лучше. В отличие от Второго главного управления – им ещё в советские времена удалось выбить денег и финские строители построили им комплекс зданий в деревне Ясенево, которая тогда была деревней, а теперь это, считай, Москва. Здания первоначально строили для международного отдела ЦК КПСС, но Андропов сумел пролоббировать вопрос и туда въехало ПГУ. Частично, это было компенсацией недовольства разведчиков тем, что на место Федора Константиновича Мортина, начальника советской разведки, довольно независимого человека (Политбюро в постановлениях писало поручения на его имя, минуя Председателя КГБ Андропова) заменили на верную тень Андропова – Владимира Крючкова. С тех пор разведчики так и жили в этих зданиях, там больше тридцати лет не делали ремонта и если вам доведётся приехать в Ясенево и попасть на закрытую территорию – вы словно попадете в кусочек позднего соцреализма с застекленной высоткой ультрамодного тогда стиля – большая площадь остекления, но не зеркального как сейчас. От внешнего вида зданий, где квартирует некогда самая грозная разведслужба мира – становится грустно.

Не так давно был план объединить СВР и ГРУ в одно ведомство. Разведчики горячо поддержали это начинание, хотя бы потому, что тогда им доставался ультрасовременный разведцентр ГРУ, выстроенный им взамен знаменитого «Аквариума» на Ходынке. Но тогда дело заволокнули заинтересованные люди, и видимо не просто так. Возможно, уже тогда кто-то если и не знал, то подозревал, что в Ясенево действует высокопоставленный осведомитель МОССАД (как потом выяснилось – не МОССАД, а Натив, бюро по связям с соотечественниками, но от этого не легче. Израильтянам – не легче).

Но самые серьезные дела творятся совсем в других местах.

Ещё в советские времена в самом центре Москвы было несколько зданий, в которых первые, а иногда и не только первые этажи занимали «ведомства без вывески». Их можно было отличить по глухим воротам со светофором, откуда время от времени выезжали чёрные «Волги». Находиться рядом длительное время, не говоря уж о том, чтобы проникнуть внутрь не рекомендовалось – можно было схлопотать лет пять для профилактики любопытства. Без шуток, реально.

Эти объекты принадлежали в основном монстру под названием Управление делами ЦК КПСС и его подразделениям, в числе которых были и такие как Отдел административных органов и Особая экспедиция. Отдел административных органов – это что-то вроде специального

суда для сотрудников советских спецслужб и для спецслужб как таковых, именно здесь нужно было одобрять все крупные кадровые решения. Особая экспедиция – специальная курьерская служба при ЦК, занималась такими щекотливыми делами, как финансирование зарубежных политических партий, размещение денег ЦК КПСС за границей и тому подобное. Поговаривали, что родословную этого подразделения можно было проследить от личной спецслужбы Сталина, к которой он прибегал в самых крайних случаях. Имелись параллели и с ГУСИМЗ – Главным управлением советского имущества за границей, которое было создано для управления имуществом, отданным нам в счет репараций. Интересные, в общем, службы в таких местах сидят. Если хотите посмотреть, как выглядят такие вот «приказы тайных дел» – лучше посмотрите фильм «Смерш-2», снятый по книге Головачева. В самом начале фильма там одно такое место показано...

– Орлов, Николай Иванович, 1982 года рождения, москвич, гвардии старший лейтенант. Отец – Орлов Иван Денисович, директор режимного учреждения 87118, четвертая категория допуска к государственной тайне, умер в 2012 году от рака. Мать – Орлова Раиса Николаевна, преподаватель МГУ, кандидат исторических наук. Два брата – старший, Орлов Степан, эмигрировал в США, в настоящее время владелец компании по производству компьютерного софта, и младший Орлов Дмитрий, в настоящее время проходит службу по контракту в воздушно-десантных войсках, гвардии лейтенант. Одна сестра, Алиса, в настоящее время работает в Газпромбанке.

Несколько человек с неброских черных однотонных костюмах сидели на первом этаже неприметного здания в центре Москвы, как раз такого – со светофором на выезде, глухими воротами – только место щеголеватых милиционеров на въезде заняли волкодавы из ОМСДОН – отдельной мотострелковой дивизии особого назначения, бывшей Дивизии Дзержинского. На воротах теперь никто не стоял; они открывались и закрывались автоматически – но все окна первого этажа были дополнительно укреплены и в любой момент на них могли опуститься стальные шторы с бойницами. В центре Москвы – уже не было ни покоя, ни безопасности, и в нескольких шагах от этого места можно было встретить носатых, горластых, чернявых молодых людей, которые и не подозревали, что в нескольких шагах от них находится ключевой нервный центр засекреченного и подчиняющегося лично президенту специального агентурно-боевого подразделения, сотрудники которого числились сотрудниками ГУО, Главного управления охраны и зарплату получали соответствующую – но и работали на совесть. Именно отсюда на Кавказ отправлялись одиночки и группы бойцов, подобранных по единому шаблону: имеющих боевой опыт, потерявших друзей, остро желающих отомстить. Сотрудниками этого подразделения были в основном выходцы из СВР и ГРУ, они были вынуждены вести войну в собственной стране, как в чужой, потому что иного способа победить террор не было. И они делали свое дело – срок жизни «амеров джамаатов» в России был ничуть не больше срока жизни полевых командиров Аль-Каиды в Зоне племен, при том, что в России только недавно начали использовать ударные беспилотники. Часть реализовывали сами, часть передавали «фейсам», региональным управлениям А¹. Но сейчас лично Президент поставил перед ними другую задачу, которую они обязаны были выполнить, как и любую другую...

– ... Сам Николай Орлов – закончил среднюю школу, оценки хорошие, но не блестящие. Проходил срочную службу в Чеченской республике, характеристика от командования положительная. Инициативен, грамотен, дерзок, был командиром отделения. Среди личного состава пользовался уважением. Были проблемы с поведением. Свободно владеет английским языком, за время нахождения в Чеченской республике выучил чеченский и частично арабский. После срочной заключил контракт, вернулся на Кавказ в составе сводного отряда особого назначе-

¹ Фейсы – сотрудники ФСБ. Региональные управления А – региональные управления по борьбе с терроризмом, фактически отделения легендарной Альфы. Из-за тиражирования – качество подготовки конечно же упало.

ния ВДВ, известного как «Скорпион». Награжден Орденом мужества. После трех лет досрочно разорвал контракт из-за конфликта с командованием.

Заместитель директора ГУО – такова была должность у начальника этого подразделения – поднял палец.

– Что за конфликт? Выяснить.

– Уже выяснили, господин директор. Совершенно идиотская ситуация, стало известно об эмиграции его брата, на него начал насаждать особый отдел. Видимо, не без участия командира, по нашим данным у него были постоянные конфликты с командованием. Он психанул и разорвал контракт...

– Идиотизм, – сказал кто-то за столом.

– Да, вероятно идиотизм, – признал заместитель директора. – Давайте дальше.

– Вернулся в Москву, год нигде не работал. Дальше – исчез на два года, но нам удалось установить, что как минимум год он провел в Ираке в составе группы наёмников. Вероятно, выехал туда через Украину или через Республику Сербскую, и там, и там действуют пункты вербовки. Причины, по которым он покинул Ирак, нам неизвестны, но мы достоверно установили, что он там был...

В кабинете этом всё было по-старому. Фальшпотолок, под который так хорошо сунуть подслушивающее устройство – отсутствовал, вместо него была старомодная люстра. На стенах – карельская береза и настоящая телячья кожа, но так дурно выделанная и покрашенная что со стороны она кажется дермантином. И тяжелые шторы вместо жалюзи. Если бы не современные сверхтонкие ноутбуки – можно было бы подумать, что на дворе 85-ый год. А не 2015-й...

– На кого именно он работал?

– Достоверно установлено, что, по крайней мере, часть времени на Харт Групп.

– Охрана нефтяных полей? Серьезно.

– Да, в основном противодиверсионные мероприятия. Видимо, чеченский опыт пришелся как нельзя кстати...

– Дальше?

– Вернулся в Москву. Пытался организовать частный клуб для обучения стрельбе, прогорел не без помощи московской полиции. Сейчас – временно без работы, очевидно, существует на то, что удалось заработать в Ираке, ну и охранником подрабатывает.

Заместитель директора покачал головой.

– Мы можем устроить его? К примеру – в Газпром. Или Роснефть. Павел Леонидович? Невысокий, плотный человек в хорошем костюме утвердительно кивнул головой.

– Все возможно, господин директор.

– Выйдите на него, прямо сейчас. Пусть этим займется кто-то, кого он знает раньше, посмотрите – кто из его бывших сослуживцев где работает. Подходите осторожно.

– Сделаем.

– И вообще. Я, кажется, давал поручение об организации сети частных охранных компаний с международной инкорпорацией. В чем дело, почему опять не выполнено?

– Василий Всеволодович, – поднялся молодой человек в самом конце стола, – компании уже инкорпорированы, но ощущается противодействие. Вероятно, американцы и англичане поняли, что мы делаем и вставляют нам палки в колеса.

– Вашу мать... – со злобой заговор заместитель директора ГУО, – а какого хрена вы здесь тогда делаете. Правильно, американцы вставляли, вставляют и будут вставлять палки в колеса. Потому что они американцы и другого от них ждать глупо. А вот что представляем из себя мы? Когда надо зарегистрировать помойку и слить на нее контрольный пакет? Если не можете – наймите людей, которые смогут. Долбо...бы! Зайдите в Интернет – там вам чёрта лысого на блюдечке принесут! А они не могут!

– Так точно... – ответил молодой человек, пораженный жестокостью разноса.

– Проехали... – зам директора ГУО был человеком современным и часто употреблял слова, которые он подслушивал от внуков, когда те приезжали на госдачу деда. – Что у нас ещё есть на этого Орлова?

– Кое-что интересное, но тут мы наткнулись на стену. Вероятно, большую роль в формировании Орлова как личности сыграл его родной дядя Орлов Владимир Денисович, майор Советской армии. Погиб в 86 году в Афганистане, посмертно присвоено звание Героя Советского союза. Обстоятельства гибели засекречены до сих пор.

– Подайте записку на мое имя.

Один из неприметных, с проседью в волосах поднял палец.

– Не стоит. Я помню Орлова. Командир боевого отряда «Вымпел», героически погиб во время специальной операции на территории Пакистана при ликвидации крупного лагеря моджахедов, где содержались советские военнопленные². Американский снайпер его снял, уже на отходе. Дельный мужик был.

Заместитель директора ГУО поссорился.

– Иван Георгиевич, вы опять за свое. Тоньше надо, тоньше...

– Были времена, когда к нам и близко не подходили.

– Так, всё. Это лучший кандидат из возможных?

– Так точно. Мы прогнали по компьютеру ещё двоих. Ни у одного из них процент совпадения не вышел за шестьдесят – а это минимум. У этого – восемьдесят два.

– На чём его будем брать?

Оперативники переглянулись. Речь шла не о тупом методе вербовки, который освоили сначала менты – а теперь и опера ФСБ им не брезговали. Подкинуть в квартиру дурь, пару патронов, арестовать... ещё и по 2-8-2³ начать крутить – потом предложить «руку помощи». На втором курсе, на оперативных методиках – рассказывают, что этот метод вербовки является крайним, пригоден только лишь для недолгой работы с агентом, обладающим к тому же низкими морально-волевыми качествами и психологической устойчивостью. Но опыт отцов и дедов, оплаченный кровью, забывали, как только вставали на оперработу. «Так... корочки у вас есть. А теперь будем учиться работать», как-то так...

Речь шла о том, что можно предложить потенциальному агенту. Какой приз, какую «морковку» – подвесить перед носом, да так, чтобы агент не чувствовал себя при этом ослом.

– Он бесквартирный. Может, квартиру ему?

Заместитель директора тяжело вздохнул.

– Хотел бы купить – купил бы уже. Уверен. Предварительная отработка проведена?

– Никак нет, без санкции...

Ещё один вздох. Не те люди пошли, не те. Раньше на смерть шли, и «Интернационал» пели, а теперь – к креслам ж...ми приросли.

– Да... без санкции ныне и кошки не родятся. Как отработаете – организуйте встречу. Поговорю лично. При отработке полицию привлекать запрещаю. Выкручивайтесь как хотите, но без полиции.

– Есть.

² Операция реально имела место. Подробности – засекречены до сих пор.

³ Экстремизм, 282 УК РФ.

Ливия, неконтролируемая территория.

05 мая 2015 года. Полевой аэродром

– Эй, русский!

Николай проснулся мгновенно, ещё не успел открыть глаза, перехватил руку того, кто его тряс в запястье...

– Э, э... Полегче, медведь... Ты ведь русский?

Человека, который стоял перед ним – Николай не знал. Но по виду он не представлял опасности и был отставным или находящимся на службе военным. Николай отпустил его руку.

– Русский. А ты кто? – ответил он по-английски.

– Один из парней, которые спасли тебе задницу пару часов назад. Джим Тейко, но можешь звать меня Текила.

– Ник, – представился Николай своим американизированным именем.

– Сержант... ну, который говорил с тем парнем... короче, мы ищем попутчика. Есть самолет... на шесть мест. Со снаряжением. Нас пятеро, переплачивать неохота, пилот с пустым местом не полетит, – бесхитростно и деловито изложил проблему американец, – если сговоримся, улетим быстро. Если нет – будем торчать здесь, пока корни не пустим. Видимо, всё это дерьмо надолго. А нам за сидение в аэропорту не платят. Так что?

Николай поднялся, потер затылок. Подхватил сумку.

– Куда летим?

– Бывшая военная база близ Триполи. Сейчас под контролем сил ООН, оттуда есть конвои до Триполи. Из Триполи – ходят конвои во все точки страны, доберёшься, куда надо.

– Годится, пошли, – у Николая были деньги на оперативные расходы и немалые. Деньги от СВР, от ООН, командировочные от Газпрома... В общем, совсем не то как раньше, когда советские командированные в номере чай на кипятильнике заваривали.

– Пошли, – американцы были, что называется «без церемоний». – А ты откуда? Гард?

– ООН.

– А... – в голосе американца проскользнуло разочарование. – Понятно.

– И я русский.

– Да я уж понял...

Самолетом, которому предстояло везти их в Триполи, оказалась новая, но уже ушатанная и с зашпаклёванными пробоинами на крыльях «Цессна Гранд Караван». Николай удивился – эта модель вообще то могла нести девятых пассажиров. Но оказалось, что это грузовая модель и им предстояло лететь на мешках и каких-то контейнерах с грузом. Очевидно, ушлый пилот решил немного подзаработать и срубить деньги для себя.

Американцы стояли у самолета; увидев Ника, они окинули его заинтересованными взглядами – но не найдя ничего интересного, отвернулись и продолжили разговор. У них было оружие, но только пистолеты. Удивляться было нечему – практически все частные охранники покупали и оружие, и патроны на месте, тем более в Ливии, где его было навалом и самого разного. В США для покупки боевого автомата надо было иметь лицензию третьего класса и как минимум пару тысяч долларов. В Ливии неплохой автомат можно было купить за сотню долларов. Русские патроны калибра 7,62 стоили в шесть раз дешевле 5,56 НАТО. Военным плевать, им выдадут – а вот охране надо считать и считать. Вероятно, у каждого в рюкзаке – по прицелу и израильскому комплекту для кастомизации АК – и то, и другое можно купить относительно дешево и без лицензии.

Откуда-то из-за крыла появился старший; он вел ожесточенный торг с пилотом. Пилот был не араб – итальянец, наверняка сицилиец, он вел торг на плохом английском с примесью итальянских слов, тараторя со скоростью автомата Калашникова. Присутствие Николая

помогло урегулировать проблему пустого места в самолете – и стороны быстро пришли к обоюдоприемлемому решению...

Американец кивнул итальянцу, они пожали руки в знак того, что заключена сделка, потом он подошел к русскому.

– Летишь?

– Да.

– Штука баксов с тебя.

Николай отсчитал требуемую сумму. Деньги он разложил не несколько кучек, чтобы не светить все разом. Мало ли кто на пути попадется? Времена нынче лихие.

Американец спрятал деньги в карман.

– Отлично.

– Сэр, самолет одномоторный. Что-то мне не по себе...

Американец хмыкнул.

– Мне тоже. Но ничего другого нет. Бывал?

– Ирак. Харт Груп. Работал в Киркуке.

– Понятно... Пошли, лучше здесь не задерживаться. Надо долететь до темноты...

* * *

Лампедуза расположена у самого побережья Ливии, но принадлежит не Ливии, а Италии – отрывка старых времен итальянского колониализма. До Триполи было довольно далеко. Самолет разбежался, тяжело поднялся в воздух – явный перегруз. Взяли направление на запад – как раз в Триполи над мелководным здесь Средиземным морем...

Лететь было не так комфортно, как в «Аэробусе» – но и страшного тоже ничего не было. Внизу были мешки, наёмники расположились на них, полулежа, каждый как мог устроил себе что-то типа шезлонга. Лежали на твёрдом, спина и ноги стали ныть – но лучше плохо лететь, чем хорошо сидеть в аэропорту и ждать рейса. Американцы обычно болтливы – но эти, возможно из-за присутствия постороннего, да ещё и русского – лишнего не болтали. Анекдоты и смешные случаи из мирной жизни – сменялись короткими вспышкам хохота, а потом – периодами молчания. Насчёт того, что летим без парашютов, никто не шутил, потому что тема для шуток скверная.

Самолет шёл низко над водой, тяжело, возможно, потому, что с перегрузом; их почти не шатало в воздухе, как по рельсам шли. Потом – тональность мотора чуть изменилась – и вдруг он взвыл, а самолет начал набирать высоту, с довольно опасной для перегруженного самолета скоростью. Потянуло ветерком – и Николай понял, что самолет обстрелян и остекление пробито...

– Твою мать...

– Марк, проверь, что там?

Марк, рыжеволосый крепыш-ирландец, лежавший у самой кабины – через минуту сообщил, что они обстреляны из «долбанного АК», но ничего страшного, двигатель не поврежден. До места долетим. Настроение у всех сразу упало, остаток полета все провели в мрачном молчании и раздумьях.

Бывшая база ВВС Ливии неподалеку от Триполи за три года «миротворения» была уже обжита миротворческими силами и частными военными компаниями, которые летали тоже в основном отсюда – у кого были связи, чтобы не платить за билеты на гражданский рейс. Весь аэродром окружили мешками с песком HESCO, взлётно-посадочные полосы, разрушенные бомбовыми ударами, исправили, залатали тем же ремкомплектот советских бетонных плит, который тут оставался. «Аэробус» здесь не сел бы, но любой военно-транспортный самолет

садился запросто. Для персонала возвели несколько городков из легковозводимых конструкций. В принципе, тот же Баграм, только боевых самолетов почти нет и гор тоже нет...

Порядка особого не было, пилот коротко перекинулся с диспетчером, сели довольно быстро; перед Баграмом, например, всегда бывали воздушные пробки. Они зарулили к каким-то ангарам, после чего их попросили из самолета – никто не должен был знать о деятельности «воздушного такси». Собрав сумки, американцы потащились к тому, что было здесь «пассажирским терминалом».

Самолет действительно был обстрелян из автомата, а возможно и чего похуже. Николай увидел попадание на самой законцовке крыла и на фюзеляже.

– Грёб бы всё мать... – заявил один из американцев – как меня все за...о. Из страны в страну – и везде одно и то же. Какого черта эта часть шарика постоянно бурлит?

– А хрен его знает...

– И когда все это кончится...

– Надеюсь, не раньше, чем я рассчитаюсь с Шейлой и ее грёбаным адвокатом за развод.

– Лучше пристрели их...

– Заткнулись все! – пристрожил старший и они потопали дальше. По серым, ноздреватым плитам змейками струился песок, пахло керосином...

Николай смотрел по сторонам и запоминал. В отличие от обычного разведчика, которые проходят подготовку в академии ФСБ и потом работают в капстранах, он был младшим офицером с боевым опытом Чечни и доскональным знанием того, как организуется военная и охранная работа в частных военных и государственных армейских структурах НАТО. Короткие и вроде бы равнодушные взгляды по сторонам давали вал информации, которая заботливо откладывалась в нужные ячейки памяти в голове, чтобы потом быть извлечённой, обработанной и представленной в Москву в качестве донесения. На летное поле явно нападали, обстреливали, всё это бывало не раз и не два. Вон платформа «Центуриона» в боевом положении – морской вариант зенитной пушки «Вулкан» с автоматическим наведением на трейлерной платформе, предназначена для уничтожения мин и самодельных ракетных снарядов. Куда лучше израильской ракетной системы *Iron Dome*, дорогушими противоракетами сбивающей один «Кассам» из трёх. Вот это – сектор ООН и гражданских подрядчиков – тут в основном русские самолеты, но вон там – новенький, китайский Y-20. Интересно, как не бояться... самолет разрабатывался под украинские двигатели, которых теперь по понятным причинам не стало, сейчас начали ставить собственные, китайские – в результате за прошлый год два самолета упали, один – с многочисленными жертвами, упал на город при взлете. А вон там – похоже спецсектор, причем серьёзный – броневик «Хаммер» и на нём, прямо на крыше расположился снайпер с винтовкой «Барретт-82», получается – спецгруппа BBC. Там – уже старые добрые C-130, а вон там даже...

Оба-на! А вон там – даже MC-130, причем в варианте *Harvest Hawk*, он точно видел ракетные пакеты на крыльях, тонкий ствол пушки мешала увидеть стена мешков с песком. Специальный комплект для превращения любого самолета C-130 в ганшип, тяжелый штурмовик – стойка с оборудованием, комплект для интеграции со штатной системой навигации и РЭБ, gondola с 30-мм автоматической пушкой «Бушмастер», подвески ракет *Viper*, совместимые с держателями для дополнительных топливных баков. Такие «конверсии» первоначально делала для себя морская пехота в Афганистане, переделывали топливозаправщики. А вот это, похоже, самолет для специальных операций, он может осуществлять самые разные функции – и логистика, и заброска разведгрупп и патрулирование и поддержка отрядов спецназа. И если здесь есть этот самолет, то значит, здесь есть и части специального назначения США, USSOCOM. Интересно, а вон тот двухмоторный самолет – не «Преторианец»⁴, случайно? Что-то сильно похоже.

⁴ AC-27 Praetorian, в BBC США Stinger II. Новейший, на момент написания только находящийся в разработке ударный

Всё это значило только одно – в стране в значительном количестве присутствует армия США, точнее – части спецназа этой армии. Присутствие США в Ливии не ограничивается отрядами морской пехоты, охраняющими посольство, дипломатический анклав и некоторые месторождения, где работали граждане США и американские компании. Силы спецназа присутствуют здесь на постоянной основе, со средствами поддержки, и ведут активные боевые действия, причём наверняка не только в Ливии, но и Египте, и в других местах. После событий, названных Арабской весной – проще назвать те страны, в которых спокойно. В том же Чаде христиан вырезают целыми семьями, беспокойно в Алжире, Нигере. Практически везде лагеря беженцев. Они находятся на попечении ООН и разных гуманитарных организаций; местные откровенно завидуют тому, что в то время как они добывают свой хлеб в поте лица, эти просто получают гуманитарную помощь. Все лагеря уже превратились в реактор ненависти, антиамериканского действия и исламского экстремизма, лучшей школы ненависти, чем лагерь беженцев, где дети видят, как родители унижаются в очереди за гуманитарной помощью, и придумать сложно. Это все уже пройдено, и пройдено не раз – Ливан, Иордания, лагеря палестинских беженцев по всему Востоку. Пример палестинцев показал, что сопротивление может длиться и десять лет и пятьдесят и сто, и те, кто видел начало, все погибнут – но на их место встанут новые и новые мстители. Ни американцы, ни израильтяне знать этого не хотели, они продолжали весело танцевать на углях, раскидывая во все стороны искры...

На входе в терминал их остановили. Военная полиция США, в открытую – с нашивками на форме и без знаков ООН. Николай достал карточку сотрудника ООН, показал.

– Простите, где я могу найти ближайший офис?

– Пройдешь прямо, парень, дальше смотри по сторонам. Голубой флаг – это он и есть.

– А кого спрашивать?

– Не знаю, парень. У вас все время люди меняются, то и дело что-то новое. Узнаешь сам.

Американцы проходили контроль с шутками-прибаутками. Бутылка виски обрела своих новых хозяев...

– Удачи, парни... – поблагодарил их Николай, когда они прошли чек-пойнт и вступили на ливийскую землю.

– Удачи тебе, русский, – за всех сказал один из американцев. – Мы тебе не завидуем. Мы, по крайней мере, можем хотя бы отстреливаться...

Ну, это мы ещё посмотрим...

Николай не ненавидел американцев. Но его первый ротный, будучи уже подполковником, погиб под Донецком, и Николай, как и многие другие русские, думал, что американцы заслуживают возмездия. Поляки в первую очередь – но и американцы тоже. Речь шла не про месть. Про справедливое возмездие...

Он огляделся и увидел голубой с белым флаг ООН над одним из компаундов, огороженных сеткой-рабицей. Тут же – стояли белые грузовики, турецкие дешёвые бортовики с бронированными кабинами, которые ставили на стандартные точки крепления – всё это он видел в Ираке. Здесь было шумно, пыльно, все куда-то спешили, ехали машины, белые и цвета хаки – и он, прикрыв лицо пустынным бедуинским шарфом, пошел по направлению на флаг, надеясь найти там кого-то, кто определит его судьбу.

Офис ООН находился в небольшом стандартном вагончике, площадью около двадцати квадратов, около него не было охраны. Сам вагончик был разделён на две равные части, в одной была никем не занятая приемная и архив, в другую вела закрытая дверь. Николай вошел, постучался в дверь – ответа не было. Решив, что рано или поздно хозяин придет – он сел, бросил рядом вещи и принялся терпеливо ждать. Чтобы не скучно было ждать – он налил себе

самолет. В варианте для ВВС США был оснащен 30 мм пушкой Bushmaster III, 12,7 мм пулеметом GAU-19, ракетными установками Viper. Использовался для поддержки частей спецназа.

воды в большой пластиковый одноразовый стакан из кулера, такого же, какой бывает в офисах по всему миру. В перевернутом девятнадцатилитровом баллоне – ёмкости для воды и все здесь были градуированы на европейский манер – оставалось больше половины и он решил, что хозяин не слишком на него осерчает, если он воспользуется его водой. В пустыне воды, как и денег, много не бывает и если выдалась возможность попить – надо пить, потому что никогда не знаешь, когда такая возможность выдаться еще.

Он сидел больше часа, на улице уже начало темнеть – хотя здесь почти экватор, дело идёт к лету, дни длинные-длинные. Он уже посматривал на часы, когда дверь с шумом распахнулась и пожилой негр в армейском бронежилете и каске, наскоро вымазанной белым – удивленно уставился на него.

– Ко мне?

Николай вскочил.

– Так точно.

– Вы откуда здесь? Полеты закрыты...

– Прибыл с грузовым рейсом...

На поясе у негра забухтела рация, он сорвал ее с пояса, ответил по-английски, на языке, принятом как официальный язык ООН. Из смысла сказанного Николай понял, что есть какие-то проблемы с логистикой. Потом негр, не глядя, сунул рацию за пояс на защелке, выругался на своем языке, видимо африкаанс.

– Жди здесь. Я скоро. Там груз потеряли...

* * *

Вернулся негр, когда совсем стемнело. В руках его был большой котелок и пластиковая посуда на две персоны в полиэтиленовом пакете.

– Пошли.

Негр открыл свой кабинет – он оказался пыльным, полузаброшенным, с небрежно сложенными бумагами на столе. Сдвинув лишнее в сторону – он начал сноровисто накрывать на стол со скоростью, какая сделала бы честь и официанту в дорогом отеле. Мимоходом он включил большой чайник в розетку...

– Надо пожрать. Сегодня ты все равно уже никуда не поедешь. Сейчас пожрём, потом найдем тебе место на ночь.

– Спасибо, сэр.

– Брось, какой я тебе, сэр. Я даже не военный, в армии не служил. Доброволец, волонтер, раньше тут, в отеле работал. Садись...

На ужин оказался рис с бараниной. Специи были удивительно жгучими; но этот рис явно был приготовлен из местных продуктов, и не индусами, а настоящими бедуинами. И барашек – свежий, а не мороженный. Николай питался в Ираке в столовых для военных и миротворцев, и их стряпню теперь смог бы отличить даже по запаху.

– Меня кстати Жан Бертран зовут. Жан – Бертран, Жан-Бертран – зачем-то повторил негр. Выглядел он жизнерадостным, не пришибленным обстоятельствами.

– Николай. Ник.

– Русский?

– Так точно.

– Ты куда-то конкретно назначен? Я имею в виду – приписка уже есть?

– Миссия безопасности ООН. Я из России. Больше ничего нет, наверное, в штабе решат, куда.

– Наши решат, да...

Жан-Бертран почесал ручкой ложки голову.

– Просись в Сирт, – решил он. – Не самое худшее для тебя. Там жалование идет в двойном размере, плюс ещё кое-какие льготы. Послужишь там три месяца, потом подавай рапорт на перевод. Так и скажи: хочу в Сирт.

Николай пожал плечами.

– Я не против.

Негр взглянул на него с удивлением из-под съехавших на нос очков.

– Ты что, не знаешь, что там делается?

– Ну... наверное, то же, что и во всей стране.

– Да как сказать... Там с одной стороны племенные боевики, а с другой – эти грёбанные исламисты. Я почему посылаю тебя туда, парень. Если ты и вправду русский, племенные вожди тебя не тронут. А любого из нас там на куски разорвут. Отстал от конвоя, от патруля – и всё...

– А исламисты?

– Ну... с этими вообще бесполезно разговаривать. Если увидишь зеленый флаг – кричи по-русски, тогда не тронут. Если чёрный, тогда... тогда молись, парень.

– Всё так серьезно?

Жан Бертран подался вперед.

– Всё более чем серьезно, парень, – сказал он. – Местные совсем охамели. При Каддафи никто из них не работал, работали мы. Каддафи нанимал работать таких, как я, со всей Африки. Без прав, безо всего. А местные – только по магазинам ходили, на пляжах купались и от безделья опухали. Каждому бесплатно квартира... да у меня в стране даже в городе, чтобы накопить на хорошую квартиру, надо лет двадцать пахать. А тут бесплатно квартира и сразу. Подарки семьям, медицина... всё такое. Все суды любые дела решали в пользу местных, Каддафи говорил, что арабы – высшая раса. Поэтому местные – они всех остальных за скотов держали и держат. Даже американцев. Тут кого убить или пытать – плёвое дело...

– Фашисты?

Негр серьезно кивнул.

– Вот именно, парень. Фашисты...

* * *

Жан Бертран оказался неплохим, в сущности, мужиком. Сам поднялся от поломойщика до менеджера отеля – а фактически этим отелем и заведовал, директором там был ливиец, который появлялся на месте в день зарплаты. Когда всё началось, пришлось бежать, уже тогда многие повстанцы, которые пошли против Каддафи – захватывали беженцев, особенно чернокожих, гастарбайтеров, у которых в Ливии не было никаких прав и отправляли на земли своего племени, чтобы они были рабами. Благодаря сметливости и организаторским способностям Жану Бертрану удалось смотаться из Ливии не с пустыми руками. Потом, как только началась операция ООН «Новая надежда»⁵ – он написал письмо, его пригласили на собеседование. Чёрный, знающий страну, с хорошим английским – для ООН такой человек был просто находкой, сейчас Жан-Бертран был главным карго-менеджером на военной базе и одновременно неофициально занимался снабжением. Николай из своего опыта знал – одна из грубейших ошибок американцев в миротворческих операциях то, что американцам запрещено покупать продукты и вещи у местных. Благими намерениями вымощена дорога в ад, как известно. На самом деле не только можно, но и нужно покупать продукты и вещи у местных, встраиваться в бесхитростную местную экономику. Опасения того, что отравят, понятны – но, во-первых, еду можно и проверять, а во-вторых – у арабов торговля в крови, ни один лавочник не отравит мясо, зная, что больше к нему никто не придёт. Надо общаться с местными, торговаться, платить

⁵ Перекликается с сомалийской «Возрождение надежды», верно?

им и менять деньги, надо есть то же что и они, надо учиться ходовым местным словам, надо узнавать новости – а где это сделаешь, как не на базаре? Тогда в тебе перестанут видеть просто ублюдка с автоматом, а будут видеть покупателя с деньгами, веселого парня, парня который придёт завтра. Та десятка, которую ты отдал за кусок мяса или местный глиняный горшок ручной лепки, в некоторых местах даст возможность целой семье существовать целую неделю. И когда кто-то из этой семьи узнает про планирующееся нападение на американский патруль, они задумаются – а стоит ли терять выгодных покупателей с долларами в кармане? И не стоит ли шепнуть кому-то из американцев, чтобы поостереглись? И когда мулла будет говорить про варваров – перед глазами тоже будет образ того самого светлокожего парня, который покупал мясо на базаре и передал детям в подарок простенькую игрушку. Так и завоёвываются сердца – медленно, шаг за шагом...

* * *

Конвой – больше тридцати машин, в основном китайского производства, формировался в аэропортовой зоне на наскоро положенных на землю бетонных плитах. Сопровождение, на взгляд Николая было совсем недостаточным, он привык к другому сопровождению. Оно было смешанным – два «Бастiona»⁶ сил ООН, четыре пикапа с самодельным бронированием. Это были «Тойоты»... очень популярная в таких местах машина, Каддафи проиграл войну, ставшую потом известной как «Война Тойот» – имея огромные запасы советской техники. Сейчас, на четвертый год мастера, те кто делал бронированные «Тойоты» ещё для повстанцев НПС⁷ – уже научились работать, их техника получалась не хуже, чем в фильме «Безумный Макс». Одна «Тойота» даже имела полностью бронированный кузов с рациональными наклонами брони, как на бронетранспортерах. Но любая такая машина поджигалась РПГ-7 на-раз.

Николай прошел рядом машин, постучал в дверь одной из них – но рожа высунувшегося водителя ему не понравилась и он молча пошел дальше. Повезло ему в третий раз – водитель был хотя и смуглым, но явно из цивилизованной страны. Николай молча показал ему несколько бумажек по десять евро, и он приглашающе махнул – садись, мол.

Тронулись не сразу, всё что-то задерживалось – то ли ждали груз, то ли были какие-то проблемы с проводкой конвоя. Мимо машины бегали люди, некоторые с оружием, некоторые без, все изображали страшную занятость и озабоченность – но наметанный взгляд русского военного запросто определил, что перед ним ни кто иной, как гасилы⁸. В Ираке он такого полно видел... По сравнению с иракцами русские призывники были образцом деловитости, а иракцев, если не пинать, они могут лежать весь день и ничего не делать, просто жёсть какая-то. Но тут разбираться с гасилами было не его задачей и поэтому, он спокойно сидел в кабине знакомого по Ираку турецкого «Мерседеса» с бронированной кабиной и ждал отправления.

Водитель выдержал ровно до того, как тронулись. Даже ворота не прошли – было видно, как его распирает от желания потрепать языком. Николай даже мимоходом пожалел, что заплатил столько – наверное, и так бы доехал.

– Гард, да?

– ООН.

⁶ Небольшой пикап с огневой установкой в кузове, стрелок закрыт со всех сторон, как в последних моделях Хаммеров.

⁷ Национальный переходный совет. К описываемому периоду – по сути, совет лидеров племенных бандформирований, о единстве речи уже не шло, шел вопрос о том, как остановить раскол страны на трех частях и не допустить дальнейшего деления по родам и племенам.

⁸ На сленге – люди, которые уклоняются от несения службы, выполнения каких-то обязанностей в воинской части, физической подготовки за счет каких-то симуляций.

– ООН... – водитель с презрением бросил что-то на незнакомом языке. Николай разобрал *agguiso* – на сицилийском диалекте это означало пассивный педераст. За время работы в Ираке – он узнал много ругательств на самых разных языках мира.

– Ты итальянец?

– Я сицилиец! – гордо ответил водитель.

Сицилия – это круто. Николай слышал о том, что многие сицилийцы наряду с калабрийцами и прочими крутыми парнями – переправились сюда и занимаются не совсем законными делами, а на юге Италии – появились боевики мафии с автоматами Калашникова и РПГ-7, нападающие на полицейские участки и взрывающие неугодных карабинеров, прокуроров и судей. Дестабилизация Ливии, как ударная волна прошла по всему региону, во многих местах срывая к чертовой матери хрупкое, очень хрупкое спокойствие.

– Палермо – хорошо! – Николай показал большой палец. Водитель просиял, оттого что похвалили родной город.

– Бывал, да?

– Проездом. Я в Ираке работал.

– А сам откуда.

– Я – русский.

– О, русский. Это хорошо – русский! Хорошо! – убежденно сказал водитель.

Несмотря на все неурядицы, русские почему-то пользовались до сих пор очень большим авторитетом во многих странах. Даже в Италии – в то время как американцев откровенно не любили, к русским относились хорошо. Конечно, до тех пор, пока в какой-то местности не появлялись в большом количестве русские туристы – отрывающиеся на отдыхе русские способны были вызвать межнациональную ненависть в течение одного туристического сезона.

– А сам сюда как попал?

– Кризис. Денег нет. Работы нет. Правительство – говно, – исчерпывающе пояснил водитель.

– И как тут?

– Говно.

Да уж...

Конвой шел на Триполи. Некогда идеальная дорога сейчас пестрела заплатами, то тут то там попадались сгоревшие бронемашины и грузовики, спихнутые с дороги. То тут то там – виднелись оазисы: унылые, с пожухшей листвой, наполовину заброшенные. Встречались и какие-то лагеря – они выделялись мешками HESCO, которые за последние десять лет уже стали верным знаком белы. Только один раз они встретили на дороге блок-пост, который держали силы ООН.

Потом – их обстреляли. Фонтан бурой земли и песка поднялся по правую руку от дороги, Николай втянул голову в плечи. Потом появился второй, многим дальше. Но колонна продолжала идти и водитель – даже не обратил внимание на произошедшее.

– Часто тут так?

– Бывает. Это не опасно, местные стрелять не умеют. Кому-то не заплатили...

– А люди гибнут.

– Это на востоке. На севере. Вот там – серьезное говно творится, там такие банды есть. А тут почти спокойно. Нефти-то тут полно.

Видимо, слово «говно» водителю нравилось.

– А как это связано? – не понял Николай.

– Соображай, русский. Где нефть – там и охрана. А где нефти нет – зачем там охрана? Там – банды.

* * *

Главный офис ООН в Триполи располагался теперь в укрепленном комплексе Мадина аль-Реатейя, бывшем большом стадионе, построенном Каддафи для своих сограждан. Сейчас это был укрепленный лагерь международных миротворческих сил, он был хорош тем, что чаша стадиона представляла собой и прекрасную крепость для круговой обороны и посадочную площадку для вертолётот, на случай, если все пойдет совсем уж хреново. Колонна шла дальше, по так до конца и не восстановленной Секонд Ринг, основной линии обороны сил Каддафи, на которой во время первого штурма города шли особо ожесточенные бои. А Николаю надо было пройти чуть больше километра, чтобы попасть в укрепленный лагерь ООН.

– Спасибо, что подвёз, приятель – сказал Ник сицилийскому водиле и протянул ему пачку настоящих «Мальборо». Тот с улыбкой принял – так, мелкий бакшиш.

Закинув на плечо сумку, Ник медленно пошел в южном направлении, осматриваясь по сторонам...

Хорошего ничего не было. Дома частично восстановлены, а частично – нет; видимо, восстановлены только те, в которые вернулись хозяева. Те, которые восстановлены, отличаются уродливыми бетонными заборами из стандартных плит, высотой выше человеческого роста. Этакая маленькая Зеленая Зона для каждого посреди хаоса. На улице много мусора, у некоторых наглухо закрытых дверей лежат мешки, которые несколько дней не вывозили, пахнет просто омерзительно. Машины проносятся на скорости, такси не видно.

На стенах, на заборах надписи. Уже по ним можно осознать характер произошедшей здесь беды: «Смерть оккупантам», «Аллаху Акбар» и чего только нет. Через равные промежутки – нанесенный по трафарету черным потрет Хамида аль-Юниса, сына Каддафи, командующего 32-й бригадой специального назначения – части, оставшейся верной Каддафи до конца. Во многих местах они зачеркнуты и замазаны черным и зеленым. Это ещё одна из противостоящих сил в новой войне – исламские экстремисты. Для них что Муаммар Каддафи, что Хамид аль-Юнис – враги ислама, проклятые даже в смерти...

Людей на улице мало, но есть. Ни одного иностранца, все местные. Смотрят так, что была бы их воля – убили бы, но при этом – боятся. Белый человек здесь – означает опасность...

Что-то щелкнуло по забору, Николай машинально прыгнул вперед – пуля! Но это была не пуля, а камень. Он посмотрел – никого не было. Погрозил в пустоту кулаком – и неспешно пошел дальше, тут важно показывать собственную силу. Это как стая собак: если побежать, обязательно набросятся. Если поднять камень – поопасаются...

* * *

Стадион был сильно укреплен – уже не мешками с песком, а бетонными блоками, это было явным признаком присутствия не-американцев, американцы теперь всё делали армированными мешками с землей. В окружении бетонных блоков стоял танк Т-72 с самодельной защитой вокруг зенитного пулемёта – иракский вариант, так делали потому, что в основном танкистам приходилось применять как раз крупнокалиберный пулемёт. Судя по виду – танк был исправен. Второй машиной на блоке был «Рено-Шерп», машина похожая на «Хаммер», но Николай знал, что до «Хаммера» она явно не дотягивала, ни конструкцией, ни качеством изготовления. На нем была дополнительная броня и крупнокалиберный пулемёт, ни того, ни другого на оригинальном французском варианте не было. Как потом узнал Николай, это не французская, а лицензионная, индонезийская машина, ввезенная в страну индонезийским контингентом ООН.

На въезде начались проблемы. Вроде как английский язык является международным языком ООН, но местные гарды упорно переговаривались на своём, а потом начали трясти перед Николаем своими стволами. Это его разозлило: он сильно устал, и не хватало еще, чтобы какая-то обезьяна недоделанная тыкала в грудь стволом.

– Пригласите старшего по званию! Старшего по званию, макаки вы недоделанные! Не понял? Командир, офицер. Ферштейн?

Макаки так и не поняли, поэтому Николай был вынужден лишиться столь непонятливых и опасных для жизни макак оружия. Оставив макак отдыхать, он вышел из караулки с двумя автоматами и выстрелил в воздух...

Выстрел вызвал суету, глядя на которую Николаю только изумляться осталось. Если бы они так спокойно пропускали неизвестного и, возможно, агрессивного человека в свое расположение, а потом – так бестолково реагировали на стрельбу – их бы всех вырезали. Сейчас он мог с двух автоматов разом порешить человек десять, и если бы с той стороны бетонного забора находился бы отряд боевиков ... п...ц котёнку был бы, короче. Вообще, побывав в Ираке, и теперь видя то, что творится в Ливии – Николай удивлялся, насколько всё здесь несерьёзно, насколько несерьёзно относятся к войне. Россия была какой-то другой, и Кавказ был каким-то другим – там было все очень серьёзно, там и та, и другая сторона набирались опыта по колено в крови. И набрались. Любая, буквально любая ошибка была чревата очень большой кровью, никто никого не жалел и не щадил. Вероятно, Кавказ был страшнее Афганистана, а тут...

Увидев появившегося снайпера, Николай отбросил автоматы и закричал изо всех сил «Friendly!» что означало – «свои». Он уже пожалел, что сделал такое. Ни один офицер – не будет рад иметь под своим началом бузотёра и залётчика, а именно так он себя и зарекомендует своей выходкой, причем с самого начала службы. Просто нервы сдали.

Отброшенные автоматы вызвали некоторое оживление, затем – к нему приблизился офицер в белой каске с автоматом FN SCAR⁹ и трехцветным флажком.

– Назовите себя!

– Николай Орлов! Российская Федерация! Силы ООН!

– Есть Ай-ди?

Николай осторожно – шутки кончились – достал карточку, бросил вперёд. Офицер посмотрел, сделал отмашку – отбой.

– Ты что, русский, охерел в атаке, а? Пети салоп!

Николай не знал, что такое «пети салоп» и потому не обиделся.

– Сэр, эти люди грубо обращались со мной.

– Мерде... За мной.

– У меня здесь вещи, сэр.

– Бери с собой. Идиот...

Они прошли в служебные здания стадиона. Большие залы, видимо предназначавшиеся как раздевалки или что-то ещё – были разграждены полупрозрачными пластиковыми перегородками, кое-где прямо по полу шли провода, на которые наступали. Офицер уверенно шел вперёд, явно зная, куда он идёт...

За дверью, которая не имела никакой таблички, а только номер, оказался небольшой, плохо обставленный кабинетик с голыми стенами и без окон. В углу стоял старый железный ящик, не сейф, на стене скотчем была присобачена карта Ливии. На ящике стоял китайский дешёвый чайник, который офицер немедленно включил.

– Ну и какого хрена это было? – без обиняков поинтересовался он.

– Сэр, можно считать это проверкой уровня боевой подготовки, я полагаю.

⁹ ***** Уже сейчас объявлен конкурс на замену FAMAS автор предполагает, что победит FN SCAR (победила HK416, так что автор ошибся).

– Уровня боевой подготовки...

Офицер задумался.

– Ты и в самом деле русский?

– Да.

– А как попал сюда? Аэропорт не принимает.

– Попутной птичкой. На шесть человек.

– Частный рейс?

– Да. Летели американцы, но было одно свободное место.

При слове «американцы» офицер сил ООН разразился ругательствами.

– Сэр... у меня не было другой возможности попасть к месту службы... – сказал Николай, когда словесный поток француза чуть иссяк.

– Да претензии не к тебе. Эти *enculés*¹⁰ лезут сюда, как будто им медом тут намазано. Они творят, что хотят и почему то считают, что они вне закона, и мы должны просто покрывать все их дерьмо. А когда ситуация обострится настолько, что они уже не могут справиться с ней – они зовут нас. И мы вынуждены разгрести всё это – когда отношения с местными напряжены до предела. Вот такой вот *maison d'abattage*¹¹ получается...

Чайник закипел, и офицер достал две чашки.

– Кофе, не возражаешь?

– Благодарю.

– Мое имя Жан-Поль Трюдо, подполковник Жан-Поль Трюдо. Комендант сектора. Ты здесь как военный наблюдатель или как специалист?

– Миссия безопасности.

– Ах, да... Россия же не участвует...

Если до этих слов Николай относился к собеседнику почти нормально, то теперь его отношение изменилось в корне. Россия не участвует? Ошибаетесь, господа, Россия ещё как участвует. Так поучаствует, как вам и не снилось. Или думаете – вы одни остались и всё можно, в том числе Украину бомбить? Срань натовская. Нет, господа, нет...

– Сэр, я готов выполнять то, что нужно для общего дела.

– То, что нужно? Это хорошо...

Кофе был вкусным.

– Где планируешь служить?

– Люди посоветовали проситься в Сирт.

– Сирт. А ты знаешь, что там делается?

– Смотрю новости. Сэр, у меня есть боевой опыт. Ирак и Чечня.

– Да уж понял...

Подполковник достал телефон, переговорил с кем-то по-французски. Николай этот язык почти не знал.

– Допивай и пошли.

* * *

Генерал французской армии Марсель Пелье был настоящим командиром и офицером, под которым можно служить – он и от начальства или военной прокуратуры прикроет, а если провинился – такого пенделя даст, что век помнить будешь. Лет пятьдесят, солидный, загорелое лицо с кожей, избитой песком, как мелкой шкуркой. Короткие, седые усы, не принятые в

¹⁰ педерасты (фр.).

¹¹ Публичный дом для небогатых. Наиболее подходящий перевод – солдатский бордель.

НАТО – там было принято бриться, как и в русской армии. Одет в обычный камуфляж, без знаков различия, только французский шеврон на рукаве.

– Имя?

– Николай Орлов, мсье генерал!

Подполковник уже объяснил, как следует обращаться к французскому генералу. Слово «сэр» для французского офицера почти оскорбление, здесь ещё помнят, что Америка могла быть и французской, если бы не революция.

– Русский?

– Так точно, мсье генерал.

– Звание?

– Гвардии старший лейтенант русской армии, мсье генерал.

– Что это значит?

– Первый лейтенант, силы специального назначения, мсье генерал.

Николай не знал, существует ли во французской армии звание «первый лейтенант» – но в американской оно было.

– Боевой опыт имеете?

– Так точно, мсье генерал. Четыре года в Чечне, год в парашютистах, три – в отряде особого назначения. Два года в Ираке, по контракту. Охрана нефтяных скважин, противодиверсионные мероприятия.

– Вольно.

Генерал приблизился, протянул руку.

– Марсель Пелье, генерал французской армии. Командующий миротворческими силами ООН в Ливии.

– Рад знакомству, мсье генерал.

– Между тем, во мне тоже есть русская кровь, – заметил генерал. – Один из моих прадедушек был военным наблюдателем у... как это называется... те, кто был против коммунистов.

– Белая гвардия, мсье генерал.

– Да, наверное. Он вернулся на родину вместе с прабабушкой, которая была русской аристократкой, графиней. Годов до 70-х в нашем доме больше слышалась русская речь, чем французская. Даже мой отец говорит по-русски, а я знаю только несколько слов. Здравствуйте, простите, ебанамать. Последнее слово часто говорил дедушка, когда читал газету, поэтому я его запомнил.

Николай не знал, что ответить, поэтому промолчал.

– До вас уже доводили обстановку?

– Никак нет, мсье генерал!

Генерал вопросительно посмотрел на подполковника.

– Мсье генерал, мы не ждали пополнения, аэропорты закрыты. Мсье первый лейтенант добирался своими силами, вот почему не успели провести инструктаж.

Французская армия была сильно похожа на русскую – и наоборот. Наверное, во всех армиях мира есть много общего.

– Значит, проведите. Ваш статус?

– Миссия безопасности, мсье генерал. От Российской Федерации.

Миссия безопасности – такой термин появился буквально два года назад. Связано это было с тем, что силы ООН стали откровенно беззубыми и в условиях современных локальных конфликтов их вообще ни в грош не ставили – похищали, убивали и так далее. Кроме того, в системе ООН крутились неплохие деньги, конечно, не такие, как в американском оборонном бюджете, но всё же. Тем более были большие частные гуманитарные миссии, оплачиваемые различными подозрительными фондами. Так родились миссии безопасности – что-то вроде спецназа ООН, который не раз проскакивает в книгах различных авторов, но при этом его так и

не осмелились создать. У миссий безопасности была чисто оборонительная функция – но расширенная по сравнению со стандартным мандатом сил ООН. Ее можно было определить как «активная защита» – например, если обычные силы ООН не имели право заранее выставить скрытые снайперские посты на дороге, открыть огонь первыми и перебить джихадистов или бандитов, решивших поживиться гуманитаркой, то миссии безопасности имели право это сделать. Миссии безопасности родились при явном неудовольствии Англии и США – и под сильным нажимом трех других постоянных членов Совета безопасности ООН – России, Франции и Китая. Этим странам – создание ещё одного рынка безопасности, пусть пока ограниченного – было жизненно необходимо для того, чтобы закрепиться на быстрорастущем рынке частных военных услуг, до сих пор монопольно поделенном ЧВК с британским и американским происхождением. Если к американскому оборонному бюджету на ЧВК было не подступиться, то вот ООНовский бюджет был вполне доступен для Постоянных членов совета безопасности. А там, глядишь, и имя появится, другие клиенты подтянутся, недовольные американским беспределом, эксцессами, да и просто нуждающиеся в услугах безопасности, но не желающие появления в своей стране американских солдат. Таким образом, России как постоянному члену Совбеза достался первый вкусный кусок рынка – Ливия. Где русских помнили очень хорошо...

– Прививки, медобследование – всё в норме?

– Так точно, мсье генерал.

Генерал задумался.

– Специалистов здесь не хватает, лейтенант. Хороших специалистов здесь не хватает особенно. Наша цель – исключительно миротворческие операции, прикрытие конвоев и пунктов раздачи продовольствия, здесь дошло до того, что грабят машины с гуманитарной помощью, которая им же и предназначена. Мандат ООН запрещает нам любые активные действия против боевиков. Но! – Генерал поднял палец. – Это не значит, что мы должны сидеть на месте и ждать, прока нас будут убивать. Я ценю инициативных офицеров, которые способны добиваться поставленных перед ними целей и задач несмотря ни на что. Это ясно, лейтенант?

...Необходимое оружие купишь на базаре, с собой везти ничего не нужно. Мы, конечно, наладим поставки, но рассчитывай и на себя тоже. По нашим данным, египетский АК в удовлетворительном состоянии с двумя розжками можно купить за 150–170 евро, сотню патронов – примерно за 30 евро, это совсем недорого. Новый автомат обойдется тебе в 400 евро. Снайперская винтовка обойдется тебе в сумму до 1000–1500 евро, если ничего экстраординарного, пулемёт египетского производства стоит ненамного дороже. Ракетный гранатомет – около 500 евро ¹². В сумму вдвое меньше тебе обойдется годный артиллерийский снаряд крупного калибра с набором для производства фугаса. Относительно дорого стоят пистолеты – 500–700 евро, если в хорошем состоянии – но это потому, что пистолеты можно скрытно носить и применять на улице. Денег у тебя будет достаточно. Как только обоснуешься – нанеси визит на базар. Цены тебе будут заламывать втрое, торгуйся. Скажи, что ты представляешь охранную компанию, если тебе понравится товар, то сделаешь крупный заказ – это сочтут за правду. Сделай несколько закладок в городе, не скупись на это – оружие может потребоваться в любой момент и при самых неожиданных обстоятельствах. Веди себя понаглее и ничего не бойся. Все, что у нас считается беспределом, там – норма...

– Яснее некуда, мсье генерал!

Французская армия – до сих пор оставалась одной из тех, которых стоило бояться. Даже Бундесвер, наследник некогда непобедимого Вермахта и Рейхсвера – давно скурвился. Французы же – когда где-то появлялись, делали не то, что можно, а то, что нужно. Сомалийские пираты, афганские моджахеды – боялись французов как огня.

– Вот и хорошо. Есть какие-то пожелания по месту службы?

¹² Цены даны с поправкой на инфляцию. Делить примерно на 1,6 от нынешних.

– Сирт, мсье генерал!

– Сирт...

Генерал прошелся по кабинету.

– Ну, если вы русский, то может быть так оно и лучше. Трюдо!

– Я, мсье генерал!

– Проведите инструктаж, ознакомьте с нашими бумагами... Утром посадите нашего друга на конвой до Сирта.

– Есть, мсье генерал!

Отдав честь, старшему по званию, они вышли из кабинета.

– Повезло тебе... – сказал Трюдо – генерал в хорошем настроении, а это случается всё реже и реже. Ну, пошли, русский. Канцелярия там.

– И что, много всего? – приуныл Орлов.

– Да до черта. К вечеру как раз закончишь. Там работают шведки, смотри только не подцепи чего. Конвой завтра в семь по местному.

– Есть!

Российская Федерация. Ближнее Подмосковье. Зима 2015 года

– ... На сегодняшний день политическая и военная обстановка на территории государства, ранее известного как Ливийская Арабская Джамахирия характеризуется как крайне тяжёлая... – Выступавший профессор поправил очки. – Уже сейчас можно констатировать полный распад основных государственных институтов Ливии и отсутствие сколь-либо действенного правительства хотя бы на переходный период. При этом Ливия стала ареной ожесточённых столкновений, имеющих как финансово-экономические, так и геополитические или племенные корни. Совершенно неправильно сводить всё, что происходит в Ливии, к банальной борьбе за источники нефти – хотя и это тоже немаловажно.

Как сейчас стало понятно – операция в Ливии стала своеобразным ответом Европейского союза на действия США, причём ответом не совсем дружественным. Эта операция не планировалась, она была в основном спонтанной – но основной целью её был захват доступных месторождений высококачественной нефти, которые способны были помочь Европейскому союзу продержаться и не впасть в полную зависимость от российских энергопоставок на случай широкомасштабной и затяжной военной компании против Ирана, намечавшейся на весну – лето 2012 года. Однако, непродуманные, спонтанные и своекорыстные действия уже сейчас стали причиной тяжелейшего кризиса, оказывающего негативное влияние на все страны Средиземноморского бассейна. Причем, начиная с 2013 года, ситуация в Ливии последовательно ухудшается.

Как известно, в 2013, поняв, что сохранить статус-кво, намечавшийся как «Единая Ливия без Каддафи» не удастся, новый президент Франции Олланд выступил с так называемой «дорожной картой Ливийского урегулирования», известной как «Инициатива Олланда». Согласно этой карте – на месте Ливии образовывалась конфедерация с классическим делением страны на три части: или три вилайета – Триполитания, включающая в себя столицу и побережье к западу от нее, Киренаика, состоящая из восточной части страны с центром в Бенгази, и Феззан, включающий в себя юго-восток страны с центром в Сабхе. Однако, процесс мирного урегулирования, начатый по инициативе Олланда был торпедирован сразу с двух сторон. Во-первых, оказались не учтены интересы туарегов, которые составляли значительную часть военнослужащих в армии Каддафи. Туареги – воинственное африканское племя скотоводов, в 2012 году они организовали никем не признанное государство Азавад, как государство туарегов на севере Мали. Туареги – по сути африканский аналог курдов, сильное и сплочённое племя, у которого нет собственной государственности. В Ливии туареги так и не были разгромлены во время операции «Падение Одиссея», они организованно отступили на юг, вместе с оружием, на территорию Мали и Чада – и та и другая страна приняли их, потому что в свое время пострадали от амбиций Каддафи. После предложений Олланда они потребовали дать им место на переговорах и кусок территории – то есть четвёртое государство с центром в Сабхе, где, как известно, находятся месторождения нефти. Это не было сделано – Олланд посчитал, что не стоит затягивать переговоры и усложнять ситуацию, к тому же этому воспротивились другие участники переговоров. По туарегам были нанесены бомбовые удары палубной авиацией Франции, после чего туареги объявили о невозможности мирного урегулирования и перешли к партизанской войне.

Вторым, не менее важным фактором, ставшим причиной срыва переговоров и общей дестабилизации обстановки в Ливии послужила позиция Египта. Не вызывает сомнения то, что в Египте у власти находятся довольно умные люди, которые используют риторику исламизма и исламского экстремизма как повод для решения каких-либо проблем. Египет – огромная страна с численностью населения более 90 миллионов человек, в основном нищих и ради-

кально настроенных. Египетские власти прекрасно понимают, что в условиях прекращения потока туристов и деградации экономики они продержатся максимум лет пять, после чего произойдёт социальный взрыв, вызванный нищетой и отсутствием улучшений. Ливия нужна им, как источник нефти, подконтрольной их людям для того, чтобы они могли использовать нефтяные доходы себе во благо. Поэтому Египет с самого начала занял антифранцузскую и антиевропейскую позицию, выступая за единую Ливию, с государственным устройством унитарного типа, в которой будут установлены законы шариата. В этом случае образовывалось бы единое шариатское пространство с численностью населения более 100 миллионов человек, нефтью как источником доходов и довольно мощной армией, способной отразить нападение извне. По-видимому, террористические акты в Париже и покушение на президента Франции были инспирированы из Египта и являются делом рук не Аль-Каиды, а египетских «братьев-мусульман». Целью их является срыв процесса мирного урегулирования, общая дестабилизация обстановки и эскалация насилия. Впрочем, разницы между Аль-Каидой и египетскими бандформированиями экстремистов не так уж и много, учитывая тот факт, что Айман аль-Завахири являлся египетским врачом.

В результате совместных действий туарегов, выступавших с позиции национализма, и египетских боевиков, выступающих с позиции радикального ислама, – Ливия в короткий промежуток времени соскользнула в пропасть гражданской войны, и потребовалось введение контингентов ООН, а также найм значительного количества сил безопасности для охраны нефтяных месторождений. С этого времени ситуация не улучшается.

В настоящее время противостоящие в Ливии силы можно разделить на две основные группы – это племенные трайбалисты и исламские экстремисты. Основной группировкой исламистского толка в Ливии является Исламский джихад, его возглавляет некий Абу Хусейни, явно имеющий опыт службы в армии или силах безопасности Египта или самой Ливии, идентифицировать его не удалось до сих пор. Основная его ставка – на подрывные действия и террористическую борьбу, его группировка явно имеет финансирование, потому что Хусейни запрещает своим людям грабить и отбирать продовольствие у местных, всё покупается за деньги. Существует полтора десятка других группировок исламистов, в том числе ливийские отделения Аль-Каиды и «братьев-мусульман». По мере того, как нарастает разочарование людей в узкоместнической политике племенных вождей, по мере того, как нарастает ненависть к иностранцам из-за регулярно имеющих место инцидентов, всё больше и больше людей, в основном молодёжи, вливаются в группировки радикальных исламистов и начинают борьбу в том числе и против собственных племенных вождей. Члены Римской комиссии урегулирования уже боятся появляться в самом Триполи, потому что на них объявлена охота.

В то же время, всё ещё очень значительные силы имеют под собой вожди основных племен. Их численность как минимум в пять раз превышает численность банд радикальных исламистов, при Каддафи вообще не имевших в Ливии никакой социальной почвы. Однако боеспособность племенных формирований подрывается тем, что они не способны действовать согласованно и категорически не желают действовать за пределами своей территории. Каждое племенное формирование в Ливии делится на собственно племена, те в свою очередь делятся на роды. У каждого рода и племени есть свои интересы: где-то они конфликтуют из-за денег, выплачиваемых нефтяными компаниями как отступное и за отсутствие нападений, а где-то наоборот, согласованно шантажируют иностранцев для того, чтобы получить как можно больше денег. Вы платите деньги за отсутствие нападений одним – а потом выясняется, что существуют другие группы, они никаких денег не получали. Обычно в таких случаях наёмники применяют метод кнута и пряника – но это только ведет к росту социальной напряженности и появлению кровников, которые будут мстить в любом случае...

Сирт, столица племенной территории Варфалла. Аэропорт Гардабайя. Объединенная зона безопасности. 11 июня 2015 года

Николай проснулся от жары и вони. Кондиционер опять сдох, а вонь тут была всегда, он уже смирился с ней, как с неотъемлемой и жестокой прозой бесхитростной местной жизни. Здесь были биотуалеты, но они давно перестали быть «био», потому что чистить их было некому, а бактерии, которые обеспечивали ускоренное разложение отходов человеческой жизнедеятельности, сдохли от жары и пыли... по крайней мере, так рассуждал об этом Ласло, венгр, один из немногих нормальных людей в их маленьком, замкнутом сообществе. И теперь по всей территории ООНовского компаунда сильно воняло; это не было заметно, если закрывать дверь модуля... но Ласло, козел, открыл ее из-за духоты. И теперь тут будет вонять два дня, как минимум...

Николай взглянул на часы. Полседьмого...

До Сирта он добрался нормально – всего два обстрела, оба раза огонь пушек ООНовских бронетранспортеров заставил ублюдков замолчать и смотаться. Выстрел из РПГ прошел мимо. Потом они прошли городом и направились к аэропорту – кстати, почему-то все компаунды ООН и миротворцев кроме Триполи располагаются в аэропортах – и вот тут-то Николай увидел...

Сирт во время его захвата был почти полностью разрушен. Этот город был городом родного для Каддафи племени Варфалла, здесь во времена падения режима шли самые ожесточенные бои. Потом – после того, как Каддафи был убит и выставлен напоказ в холодильнике в лавке мясника¹³ – штурмовавшие город бойцы НПС посчитали дело сделанным и разошлись, вдоволь пограбив, варфалл вернули контроль над городом через пару месяцев. Потеряв всего лишь пять человек убитыми. Город уже тогда напоминал Сталинград, не лучше он выглядел и сейчас. Огромное количество беженцев с востока, с восточной границы и даже из самого Египта ринулись сюда, когда ООН и международные организации стали раздавать гуманитарную помощь. Ещё они говорили, что боятся боевиков со всего востока, наводнивших лагеря подготовки по ту сторону границы, но этим словам, как и любым другим, сказанным на Востоке, следовало верить с большой натяжкой. Приютивший в час беды своего соседа рискует очень многим, опыт Косово показал это всему миру. Варфалл пытались прогнать пришельцев – но на их защиту неизменно вставали силы ООН. Напряжение копилось и копилось, чтобы когда-нибудь прорваться кровавым дождем...

Силы ООН здесь были относительно немногочисленными – до 50 специалистов и примерно три сводные роты, на случай резкого обострения обстановки это все равно, что ничто. При этом – одна рота была турецкой, а ещё одна – индонезийской; то есть, это были мусульмане! Человеку, который придумал послать сюда мусульман, следовало быть дать премию Дарвина за идиотизм. Какой-то шибко умный аналитик вычитал, что в Коране написано, что правоверным запрещено убивать правоверных; и следовательно, если с кем-то договориться и послать в горячую точку войска, состоящие из правоверных, то инсургенты не смогут в них стрелять, не нарушая каноны своей религии. Здорово, правда? Только это в теории, а на деле получалось, что культура стран, которые посылали в горячие точки «правоверных» военных, обогащалась такими понятиями, как ваххабизм и такфиризм. Кроме того, те, кто придумали это забыли, что для правоверного законы шариата важнее приказа и потому часто получалось так, что это военные не стреляли в инсургентов, а не наоборот.

¹³ Николай ошибается. Это была не лавка мясника, а большой центральный магазин с большим холодильником.

Одевшись, – он просто натянул штаны и накинул бронежилет на голое тело, – Николай вышел наружу. Было рано – но, наверняка, в модуле, который у них за столовую, с ужина ещё что-то осталось...

Он постучал в дверь, через несколько минут высунулся зевающий Раджив. У него было другое имя, какое-то сложное, которое никто не хотел запоминать – и потому все звали его Радживом (видимо потому, что в своё время на весь мир прогремело убийство Раджива Ганди). Он объяснил, что просто хочет чего-то немного поесть – Раджив не говорил по-русски, но русский понимал, потому что русский учил в школе, «хинди-русси бхай-бхай», в общем. Николай всегда относился к нему хорошо, и даже иногда давал ему немного денег – Раджив был гражданским контрактором, нанятым для миссии ООН поваром, их нанимали оптом через специализирующиеся на этом фирмы и платили очень мало. Но Раджив помнил доброту и потому, приговаривая что-то на своём языке, провёл его на кухню и поставил перед ним большую тарелку, в которую соскрёб всё, что осталось от вчерашнего риса с курицей. Этого было более чем достаточно, больше стандартной порции, Николай начал ковыряться ложкой, съел немного и, положив голову на стол, заснул. Здесь хоть и воняло, но запах жира, риса со специями и мяса был приятнее вони туалета. Николай не заметил острого, внимательного взгляда, который кинул на него Раджив, уходя в свою каморку...

* * *

– Черт, вы только посмотрите на нашего Ника!

Николай проснулся от хлопка по плечу и громкого хохота.

– Вот, сурок, нажрался и спать...

– Да...

Заводилой как всегда был Джек. Джек Гренвилл, бывший «морской пехотинец Ее Величества», выходец из довольно привилегированной семьи Великобритании. Типичный англичанин по внешности – крепкий, коренастый, высокий лоб с залысинами – почему-то англичане питают слабость к такой причёске, ни у русских, ни у американцев, ни у французов такого нет. Он учился в Итоне и имел страсть к злым шуткам – это примерно то, что в России называют «подъ...ть», только ещё жёстче. Здесь он был замом по сектору, ответственным за разоружение. Бандитов, конечно, разоружение.

– Хорош ржать...

– Как, Ник, хороша, а?

– Заткнись... – устало посоветовал Ник, – а то и врезать могу.

Да... надо с этим делом завязывать. Двойная жизнь выматывает... это всё равно, что жить на две семьи. Только ещё хуже...

– Окей, мальчики, – итальянский офицер по имени Габриэль Висконти, бывший альпийский стрелок, не был настроен на болтовню. – Брифинг через пятнадцать минут. Кто не успеет позвать – его проблемы. Не забывайте – сегодня конвой.

* * *

* * *

На брифинге была очередная херня, нужно было просто сидеть с умным видом, поддакивать и говорить «так точно» – всё это пройдено в Чечне и не раз. Николай так и делал, мысленно прикидывая, что к чему и какие будут его дальнейшие шаги.

После брифинга Николай догнал Ласло на стоянке. По штату машина полагалась одна на двоих, но их было куда больше; частично потому, что людей не хватало, частично потому, что машин было больше штата, каждый стремился обзавестись своей. Сделать это было не так уж и сложно.

– Подбросишь меня в город? Потом вернешь машину назад.

– А ты?

– Уйду с конвоем обратно. Вернусь тем же путем.

Ласло что-то прикинул. Он был новичком, к тому же честным – не брал, не крышевал – и машины у него не было.

– Значит, машина на три дня моя?

Николай подмигнул.

– Быстро соображаешь.

* * *

У Николая был «Ниссан» суданского производства – первая американская «Хетта», производство которой перенесли в Судан, двигатели собирали из японских компонентов – в Японии они продолжали выпускаться для вилочных погрузчиков и небольших экскаваторов. Вполне приличная машина – не такая большая, как иранский «Патруль», не такая сложная и дорогая как «Патруль» японский или «Ланд Круизер», запчастей полно, к тому же – пять дверей, а не три. Машина была выкрашена в белый цвет, Николай немного усовершенствовал ее «по-чеченски», то есть бронежилетами. Ещё положил на пол кевларовые маты – хоть какая-то защита при подрыве. Лучше было бы, конечно, полностью бронированную машину – но их было только двое, на одной ездил Габриэль, на другой Джек. Простым людям такие не полагались...

Машина была в порядке, неказистая, но надёжная – Николай купил её после обстрела и полностью поменял мотор. Он схватился с первой попытки, из кондиционера потекла живительная прохлада. Ласло ловко вывел машину из укрытия за мешками с песком и они потащились с разрешённой на базе скоростью пешехода на выезд.

– Завидую я тебе, русский... – сказал Ласло.

– Чему?

– Женщину себе нашел...

Николай мысленно выматерился. Наличием женщины он оправдывал некие вылазки.

– Ну, да. Хочешь, и себе найди.

– Да ну. Какой из меня мачо.

Ласло действительно выглядел... не очень. Худое лицо, оттопыренные уши...

– Да брось. Хочешь, секрет?

– Да.

– Веди себя уверенно. Все бабы на это покупаются. Что бы ты не делал – делай это уверенно. Ты – потомок рыцарей. Вспомни девочек на Балатоне.

– Ты там бывал? – оживился Ласло.

– Проездом. Несколько часов.

– Балатон – красиво...

– В общем, не тормози. Только будь готов к неприятностям. Если у красавицы есть отец и братья – ты подставляешь и её, и себя. Здесь за это зарезать могут.

Они прошли усиленный бронетранспортером блокпост и выехали на приведенную в порядок дорогу, ведущую в Сирт...

Сам Сирт и его окрестности – сильно напоминали Багдад 10-летней давности, с поправкой на то, что здесь почти не было вездесущих американцев. Здесь была нефть, и это многое

решало. Когда за Сирт закончились бои, и был убит Каддафи, город сильно напоминал Сталинград. Или эль-Фаллуджу после штурма. Некоторые снайперы работали ещё месяц, а то и больше. Потом племенное объединение Каддафа вернуло себе контроль над городом и создало примерно такое же государство, как создали курды в Ираке – и вроде часть Ирака и в то же время – нет. Сирт стоял на богатейших нефтяных месторождениях – Сама, Бейда, Рагуба, Дахра-Хофра, Бахи, Дефа-Ваха, Насер, Сарир, Месла, Гяло, Бу Атифель, Интизар, Нафура-Угила и Амаль, почти все имели доказанные запасы в миллиард баррелей нефти, здесь была создана нефтяная инфраструктура. За счёт доходов от нефти город быстро восстановили – но лишь в части. Был восстановлен центр, всё побережье, построены богатые кварталы, отгороженные бетонными заграждениями. Построены лагеря нефтяников, которые охранялись частными военными компаниями. Если вас допускали на прибрежный бульвар Сирта – там, в магазинчиках и бутиках можно было купить и «Ролекс» и «Прада» и «Луи Виттон», и всё, что угодно. Но рядом с этим, всего в паре миль, были убогие лагеря беженцев и заполненные беженцами полуразрушенные здания, первый мир от третьего отделяла всего миля пути. Племена стогнали представителей других племен (особенно Каддафа, как бывшего правящего, расселившегося по всей Ливии) со своей земли, они возвращались туда, где их особо никто не ждал и не был им рад. Племена соперничали друг с другом в нефтедобыче и не прочь были подорвать вышку или нефтепровод конкурентов – тем более что специалистов, способных сделать это хватало, и инструментов для этого – тоже. В Сирте – напряженности добавляли радикальные исламисты, которые переходили границу под видом беженцев и уже тут сбивались в банды. В Ливии была нефть, а в Египте не было, они считали это несправедливостью и намеревались это исправить. Варфалл и особенно мелкие племена, большая часть которых не имела собственных нефтяных вышек и была заражена исламизмом – охотно помогали им. В общем, интересы разных стран в Сирте были сплетены в тугую и кровавый клубок, каждая сторона пыталась его размотать – но в итоге он становился ещё больше. Николай пытался здесь защищать интересы России – как мог...

– Вас куда?

– Давай, в Харбию. И перестань обращаться ко мне на «вы».

Зато по сравнению с временами Каддафи – здесь можно на любом углу купить сотовый телефон и на каждом углу теперь – отделения банков и контор по обмену валюты. Сахара-банк – это банк племени Варфалл и расчётный банк французов, он входит в BNP Paribas и является расчётным банком Total. Джамахирия-банк, раньше крупнейший банк страны, полностью принадлежащий государству, теперь принадлежит Каддафа, перенес штаб-квартиру в Сирт и вроде как туда то ли зашел, то ли собирается зайти ВТБ. Вахан банк – принадлежит Мизан Исламик банк из Пакистана и ещё кому-то, он обслуживает интересы центра страны, служит основным расчётным банком местных племен и исламистов, которых здесь пруд пруди. Либийан агрикалчерал банк...

Б...

* * *

Колонна ООН уже пришла – больше 50 грузовиков, выносимые армейские КамАЗы, покрашенные в белый цвет с голубым логотипом ООН, разгружались на военной площадке в западной части города. С одной стороны была пустыня, с другой – район, который называли «700 домов» – он был построен Каддафи для своих соплеменников, как подарок. Место было относительно безопасное – не то, что к востоку от радиовышки и университета. Там были в основном лагеря беженцев и, зайдя туда даже днем, можно было очень даже запросто пропасть без вести.

Николай неспешно шёл мимо ряда машин, стоящих в очереди на разгрузку. Люди менялись и ему никогда не сообщали, кто придет к нему с очередным грузом. Всё это были люди, которые или знали его в лицо или были знакомы ему по тем или иным делам. В любом случае...

– Взводный!

Николай резко обернулся от окрика по-русски.

– Товарищ капитан?

Навстречу ему – из КамАЗа выскочил невысокий, крепкий, как гриб-боровик, водитель. Полосатая тельняшка говорила о многом.

– Магарыч с тебя, шатун.

– С меня, с меня. А вы-то тут как?

– Да... жизнь штука сложная. По дороге расскажу. Поехали, что ли?

– Поехали...

Николай забрался в кабину бронированного КамАЗа. Не так удобно, как в турецком «Мерседесе» – но места хватало.

– Куда ехать то?

– Разворачивайтесь и обратно. Потом покажу.

Никто не обратил внимания на КамАЗ, покинувший строй машин на разгрузку и поехавший обратно – картина была привычной, раз так – значит так, никто в чужие дела нос не совал, а рынок был забит мешками с рисом и надписью «не для продажи». Николай немного нервничал – он знал, кто в этот день стоял на посту, но могла быть внезапная проверка и тогда – всякое могло приключиться. Но никаких неожиданностей не было – на посту стояли миротворцы из ... Замбии что ли. Откуда-то оттуда, черные, что твой сапог и вороватые – готовы стул изпод ж. ы утащить. Кивок головы, купюра в пятьсот евро – и машина прошла...

– Вон у вас тут как... – помрачнел лицом водитель.

– А у вас не так? Сразу направо и по дороге из бетонных плит, пока не скажу.

– Да так же...

Напарник, поняв, что предстоит разговор – демонстративно полез на заднюю полку. Отдыхать.

– Так вы как тут оказались, Владимир Глебович?

– Как-как... Да так и оказался, взводный. Офицеров не нужно стало так много – а ты знаешь, я не прислуживался никогда. Выставили. Помыкался... семью кормить надо, а я – чего умею? Обратился к старым друзьям, они говорят – вакансии есть. «Ду ю спик инглиш» – и вперед. Ну, подучил кое-как, Лизка помогла.

– Как она?

– Да второй уже. Мальчонка.

– Поздравляю.

Николаю вдруг стало мерзко на душе. Очень. Он никогда не задумывался над тем, что делает, он был молод и привык, что никакой другой игры, кроме грязной, не существует. Оказавшись здесь, он продолжал играть в эту игру... Это нельзя было назвать патриотизмом. Частично это было профессионализмом – он хорошо умел делать то, то делал, и гордился тем, что он делает, гордость за хорошо выполненную работу свойственна любому нормальному человеку, какой бы работа не была. Частично – это было мстью, он был нормальным русским человеком и испытывал гнев и возмущение от того, что произошло на Украине. Он общался с американцами много больше, чем обычный русский военный, и не делал из них пугало – среди них были хорошие люди, и даже очень хорошие люди. Вот только их правительство – было полным дерьмом, и они постоянно строили козни против его Родины и он считал, что за произошедшее кто-то должен ответить. Ломая здесь игру американцам, англичанам, французам, – он вносил свой маленький вклад в дело победы, он считал, что если не хочешь воевать на своей земле, вой на чужой, и что рано или поздно появится та соломинка, которая переломит-таки

хребет верблюду. Дальше – он не задумывался. Но он никак не мог понять – а причем здесь Владимир Глебович и как он тут оказался?

Владимир Глебович был как раз тем русским офицером, о которых слагали песни и легенды, тем, на которого стоило равняться. Он был готов и подняться на пулемёт и остаться один, чтобы прикрыть отход доверенных ему желторотых птенцов-призывников, как он это сделал в первую кампанию и чудом жив остался – и в то же время он был готов истратить последний индпакет на то, чтобы перевязать врага. Он был из тех капитанов, которые были обречены оставаться в этом звании до выслуги, потому что такие говорили неуютную правду и потому что в их присутствии неловко чувствовали себя полковники и генералы. Для них он был, как отец, – он всегда знал, как надо, он был строгим и требовательным, но при этом он был честным, и его строгость воспринималась как необходимость. Николай служил под его началом всего год до того, как уйти в отряд особого назначения, но за этот год он успел проникнуться к этому человеку глубоким уважением. Если Владимир Глебович оказался не нужен в русской армии, настоящей русской армии, и вынужден был зарабатывать на жизнь таким образом, значит, что-то совсем неладное творилось с его Родиной, с его страной. Что-то очень неладное...

– Куда?

– Прямо.

Владимир Глебович покосился на своего бывшего подчиненного.

– Чего нос повесил? Прорвемся!

– Так точно, товарищ капитан. Прорвемся. Налево.

* * *

В районе «700 домов», вполне уже отремонтированном, русский КамАЗ въехал в ворота, которые открылись только тогда, когда машина появилась на улице. Как только машина прошла ворота, двое, с автоматами за спиной бросились закрывать ворота.

Николай открыл дверь.

– Все. Приехали. Вон туда, задом сдавайте.

– Ага.

На крыльцо уже вышел Омар. Полковник Абдалла Омар – это звание он получил уже после войны, но в элитной, 32-й бригаде спецназначения Ливии, которой командовал сын Каддафи Хамис – он был старшим лейтенантом, а это не так и плохо. Мало кто из 32-й бригады остался жив – а бригаду готовили белорусы, в Марьиной горке. Сейчас полковник Омар возглавлял отряд особого назначения численностью в полк, подчиненный Высшему племенному совету Каддафа. Отряд назывался – только не падайте – САС!

– Салам алейкум, брат.

– Салам...

Идиот, очки нацепил. Снял бы, рванёт – без глаз останешься!

– Как дела?

– Норма.

У Николая и полковника Омара давно установились просто отличные отношения. Вообще то, полковник числился террористом, и в Триполи на него лежал розыскной лист – но это был не Триполи, а Сирт. И розыскным листом из столицы тут можно было подтереться.

– Завтра, с той стороны пойдет Джемаль, – как бы просто в пустоту сказал полковник, закуривая дорогой, с пониженным содержанием никотина, «Винстон» – с ним будет человек пятьдесят. У него в банде есть как минимум четыре управляемые ракеты...

– У меня только три дня.

– Управимся.

– Ты уверен в информации?

– Я тоже пойду.

Здесь вообще ни в чем нельзя было быть уверенным – ни в друзьях, ни во врагах. Уверенным можно было быть только в тех людях, которые ставили свои головы на кон там же, где и ты...

– Надо быть осторожнее.

К ним подошел Владимир Глебович, поставивший машину как надо под погрузку.

– Салам алейкум, – сказал он.

– Ва алейкум ас салам, – настороженно отозвался полковник Омар.

– Это эфенди Омар, – представил своего друга Николай, – он хороший человек и солдат, и он хорошо говорит по-русски. А это – мой командир, он учил меня воевать.

Николай упомянул о том, что Омар говорит по-русски не просто так, это пошло ещё с Афгана. Восток – это не Россия, где дела значат мало, а слова и того меньше – на Востоке значимо все. Те крепкие выражения, которые вы используете для связки слов, здесь вам помогут нажить смертельного врага. Неудачное упоминание чьей-то матери в разговоре может стоить болтуну большого куска здоровья, а то и жизни. Русских не тренировали двадцатью годами воинственной толерантности, и они могли сказать что-то крепкое, даже не желая обидеть человека, а в итоге шли насмарку плоды многомесячной работы. Поэтому о наличии человека, способного понимать русский язык следовало предупреждать, это было что-то вроде профессиональной вежливости.

Омар расплылся в фирменной, голливудской улыбке – в одиннадцатом он потерял в какой-то переделке все зубы, поставил себе два керамических моста – и теперь в отличие от большинства арабов мог похвастаться совершенно ослепительной улыбкой.

– Командон рафика Николая – желанный гость в этом доме. Прошу к столу, немного поедим, закусим...

Только дурак стал бы везти в Ливию оружие – его там и так хватает. Полковник Каддафи в свое время накупал столько, что лишнее закапывал в пустыне – далеко не все такие тайники вскрыты и обезврежены. Рядом Египет с работающим оружейным производством, Судан, где производят полную линейку стрелковки, от пистолета до ДШК, минометы и артиллерийские оружия. А к тому же в Судан зачем то прилетели белорусские специалисты-промышленники, не иначе как станки макаронные налаживать. Те, у которых диаметр макарон 7,62 получается, ага.

А вот другое... Что ночной, что оптический прицел – стоят примерно от 500 до 1000 долларов, если оптом, то дешевле, а если брать устаревшие образцы со складов длительного хранения – то и даром. Глушитель фабричного изготовления обходится в 100–150 долларов, навинчивается на резьбу компенсатора. Но если это всё поставить на автомат и научить бойца пользоваться этим – ценность такого бойца вырастает многократно. И на закуску – прицелы вообще не подлежат экспортному регулированию, в отличие от оружия. Как и отправка специалистов-инструкторов.

А ведь кроме перечисленного, можно ещё много чего интересного отправить...

Российская Федерация. Ближнее Подмосковье. Испытательный полигон курсов «Выстрел». Зима 2015 года

Обычно новую технику, разработанную в военных КБ, показывают на оружейных выставках. Количество оружейных выставок вообще на последнее время значительно увеличилось. До 90-х – были регулярные авиационные шоу в Британии (Фарнборо) и Франции (Ле Бурже) и... пожалуй, всё. Остальные выставки, если и проводились, то нерегулярно и каждый раз в разных местах – обычно в странах, которые анонсировали крупные программы перевооружения. Так, например, крупнейшая выставка вооружений 89-го года произошла в Багдаде, где впервые были выставлены продукты сотрудничества разных стран с оружейной промышленностью Ирака. Сейчас же календарь выставок включал в себя уже не менее двух десятков выставок, чаще всего производившихся раз в два года. Престижнейшими были выставки в Абу-Даби и ... пожалуй, в Китае, в последнее время. Американцы – варились в собственном соку, у них была собственная AUSA, которая проводилась два раза в год – не говоря о демонстрациях для родов войск. Но то, что лежало на стоящих под навесами столах – не видел ещё никто.

Ждали Президента. Обещал приехать лично...

Президент не так-то любил оружие – в отличие от нынешнего премьера, который не упускал возможности пострелять и на многих плакатах позировал с винтовкой или автоматом. Но после лета четырнадцатого года не любить оружие было уже невозможно. Как то все разом поняли, познали ту простую и кровавую истину, которую начали забывать в 60-х (а иначе не отняли бы у людей право на оружие) – только наличие на земле вооруженных людей, готовых убивать за неё и умирать за неё – делает её своей. Не международные договоры, не членство в союзах, военных и политических, не курс на демократию – а готовность пролить кровь любого пришедшего на твою землю врага. Поэтому – оружие теперь приходилось любить, а несколько приговоров по статье «умышленный срыв ГОЗ¹⁴» показали всем заинтересованным сторонам, что государство – не шутит.

В ожидании заинтересованных сторон – все вели себя по-разному. Кто-то нервно смолит сигарету за сигаретой – значит, есть проблемы. Кто-то в последний раз говорил с офицерами-испытателями: таких было только двое, в последнее время было не принято назначать директорами оборонных предприятий людей, выросших на этом предприятии и знающих продукцию. Кто-то прихлебывал кофе из термоса и притопывал ногами по ледку. Погода была совсем мерзкая – несколько дней почти плюсовой температуры за одну ночь сменились минус пятнадцатью. День жестянщика, в общем...

Когда несколько внедорожников, конвоирующих черно-серый «Мерседес Спринтер» остановились неподалеку, выдохнули – не Президент. Премьер. Премьер был не таким жестким, его кадровые решения по крайней мере готовились и на них можно было успеть повлиять. На Президента – не могло повлиять уже ничего: выжив в покушении и пережив войну, он стал каким-то резким, совершенно не похожим на себя. Любой, кто шел к нему, не был уверен, что выйдет в той же должности. Не стало неприкасаемых; убедить, переубедить его было почти невозможно. Злые языки поговаривали, что президент подстраивается под радикальных националистов, какие в России буквально за пару месяцев приобрели очень серьезное влияние, из маргинальной силы стали чуть ли не доминирующей. А может быть... парадоксально, но наличие общей угрозы в виде радикальных националистов развязало руки Президенту в проведении кадровых расправ. Ведь это только кажется, что Президент России имеет право снимать и назначать людей как ему вздумается... За каждым назначенцем тем более на выс-

¹⁴ Гособоронзаказ. Статья была и до этого, просто не применялась.

шие государственные посты стоят свои финансовые и чиновничьи кланы, свои интересы, свои деньги. С ними можно было портить отношения – они смертельно ненавидели друг друга, но не со всеми сразу. Поссоришься со всеми сразу – и выкинут уже тебя, хоть из Кремля, хоть из самолета номер один, хоть из окна дачи. Но теперь... чиновники бы и скинули Президента, но они понимали: законность и стабильность – это то, что пока даёт им жить. Националисты, да и просто большинство жителей страны – смертельно ненавидит их, и лишь нежелание раскачивать лодку удерживает от решительных действий. Если же они предпримут хоть один резкий шаг – вооруженная, моментально организованная толпа просто ворвётся в их кабинеты и разорвёт их на куски. Кто-то уже отправил семью из страны... а кто-то не успел и теперь и они сами и семьи оказались в заложниках у ситуации. Смертельно ненавидя русский народ, чиновники собирались в клубах и до одури напивались дорогой водкой «Финляндия» или «Серый Гусь». Много... много интересного можно было услышать во время таких возлияний... и даже не было сил их ненавидеть. Слабые, разложившиеся, трусливые и глубоко несчастные люди, ни к чему не пригодные, до одури боящиеся за свое будущее, остро осознающие свою никчемность и от этого ещё сильнее ненавидящие – но не себя, а народ...

Такие были и здесь, на стрельбище. Пряча лица в воротники из натурального меха – а в последнее время такие воротники, как женские, вошли в моду – они проклинали себя, свою лёгкую обувь, подобранную с тем, чтобы перемещаться по Москве, почти не выходя из машины и ждали, пока начальство отыграет обязательную программу – и можно будет нырнуть обратно в свой уютный кабинет, как в раковину. Привычные холуи, безотказные секретарши, полная безответственность – лафа российского, точнее – россиянского чиновника.

Председатель правительства – быстрым шагом прошел по колкому льду под навес, сразу подошел к столам с образцами...

– Ну...показывайте, что наворотили...

– Разрешите...

Невысокий мужчина в военной утепленной форме поднял привычную, но в то же время непривычную трубу реактивного гранатомета.

– Первому – поблажка, – подмигнул премьер. Он вообще не был тяжелым в общении человеком, в отличие от Президента, который и до этого был замкнутым, а сейчас замкнулся ещё больше.

– Смеюн, зам генерального конструктора предприятия «Базальт», господин премьер-министр. Перед вами – новый вариант РПГ-7, изготовленный специально для условий войны против высокотехнологичного противника. Задумки были давно – но только сейчас мы смогли воплотить их в жизнь...

Гранатомет был обычным, но в то же время и необычным. Дерево заменил черный пластик, рукоятка явно была облегченной и тоже пластиковой. Вместо обычного оптического прицела – сложный комплекс прицеливания, явно с лазерным каналом.

– Перед вами – гранатомет РПГ-7М4, то есть четвертый вариант модернизации. В отличие от первого и второго варианта модернизации нам удалось решить проблему точного и эффективного поражения движущихся целей, в том числе низколетящих боевых вертолётов. При этом нам удалось удержать цену на изделие в приемлемых рамках и сделать его пригодным для эффективного использования любых типов боеприпасов, даже устаревших...

Премьер с интересом взял оружие в руки.

– Суть заключается в следующем. Американцы пошли по самому дорогому и затратному пути. В ракетном комплексе «Джавелин» они сделали управляемый снаряд со сложной электронной начинкой. При этом вся дорогостоящая электроника живет только один выстрел – при применении она разрушается. Первоначально «Джавелин» был предназначен для поражения советских танков нового поколения, но сейчас его чаще всего применяют для поражения одиночного грузовика с минометом в кузове, мотоциклиста с автоматом и даже велосипедиста. По

современным ценам стоимость одного выстрела превысила сто тысяч долларов США, это уже запредельно. Нам удалось создать гранатометный комплекс, который может решать примерно те же задачи – но на два порядка дешевле по цене.

– Интересно...

– То, что вы видите, это прицел, совмещенный со счетно-решающим устройством и лазерной прицельной системой. Но эта система не отвечает за коррекцию пути реактивной гранаты, она лишь замеряет расстояние и получает другие характеристики цели. К гранатомету мы разработали программируемый выстрел, но очень простой и примитивный, он программируется лишь на подрыв после определенного количества оборотов. Таким образом, мы получаем гранатомет, который как и американская система «Палач» способна работать с воздушным подрывом. Но при этом наша система и дешевле и в то же время мощнее, мы используем всю номенклатуру реактивных гранат, мощность любой из них в разы превышает мощность подрыва американского выстрела. И даже если гранатомётчик с гранатомётом использует все программируемые гранаты – он может перейти на обычные. Возможность управляемого подрыва пропадает, но прицел по-прежнему сможет работать и наводить гранату на технику с повышенной точностью. Я понятно объясняю?

Чиновничество уже смотрело волками.

– Понятно, продолжайте.

– Возьмем учебную гранату... вот эту, – гранатомет зарядили. – Наша цель, господин председатель правительства, разработать систему, которая сможет с повышенной эффективностью применяться против быстро движущейся техники и самое главное – вертолётов. РПГ-7 – привычное для иррегулярных формирований оружие, в Афганистане моджахеды применяют массированные гранатометные залпы для поражения зависших, совершающих посадку и отрыв вертолётов НАТО. При этом – для гарантированного поражения применяется по двадцати гранатометов в залпе. Новый вариант РПГ – сможет выполнить эту работу тремя – четырьмя гранатами. Принцип действия простой. Включаем прицел... – В прицеле загорелось пульсирующее перекрестье. – После того, как вы увидите цель – нужно нажать эту клавишу... это приведет в действие прицел. Он сам замерит характеристики цели и скорректирует прицел. Появится расплывчатое красное кольцо сбоку... если не появится, значит, скорость цели слишком велика и ее не поразить. Дальше всё просто – совмещаете перекрестье с кольцом и нажимаете на спуск. Вот и всё.

– И всё?

– Все. – Конструктор не понял шутки.

– Отлично. Попробуем...

Председатель правительства попал с первого выстрела...

Потом – показ продолжился. Ему показали облегченный и укороченный вариант РПГ-7, но не десантный складной, как раньше, а именно облегченный. Четыре с половиной килограмма против семи с лишним как в оригинале – но и этого много, у американцев три с половиной¹⁵. Но зато дешево... Появляется возможность вооружить гранатометами не одного бойца в отделении и даже не двух как в Иране – а трёх или даже четырёх. Подразделение, усиленное носимой реактивной артиллерией, работающее по принципу чеченцев, из схронов, заранее подготовленных, перевозящее запас выстрелов на легких транспортных средствах, – натворит дел. Тем более, что основных боевых танков у миротворцев немного, в Афганистане их вообще почти нет, а всё остальное – добро пожаловать на сковородку. Сосредоточенный залп трех – четырех РПГ да ещё с тандемками – не оставляет шансов даже «городскому» варианту «Абрамса»¹⁶, весящему хорошо за семьдесят тонн.

¹⁵ Американцы наладили выпуск РПГ-7 – фирма Airtronic.

¹⁶ TUSK. К описываемому периоду – уже TUSK2+ и TUSK III в разработке.

Ижевск, Тула и Ковров показали свои новые разработки. Пехотный пулемёт калибра 14,5 со сменным гранатометным стволиком калибра 23мм – не выдерживало самое тяжелое бронирование. Своего рода «обрез» КОРДа с магазинным питанием – дура под калибр 12,7, четырнадцать патронов в длинном магазине, шесть в коротком – можно стрелять с рук! С гарантией прошибает любой бронежилет, нет шансов у тяжелобронированного «Хаммера», даже у зависшего над городским кварталом вертолёт. Опаснее всего то, что эту штуку мог перемещать с места на место один боец – за несколько секунд отстрелялся и ходу.

Тула показала две противовертолётные и противотанковые винтовки. Одна – модернизация В-94, зато другая... Та же самая В94, только переделанная в схему «буллпап», предназначенная для стрельбы с плеча. В отличие от гранатомёта, пулю не удержит ни металлическая сетка, ни решётка, не сожёт её никакая активная защита, которые в последнее время стали устанавливать даже на джипы – так называемый «Стальной Занавес», израильские разработки. Благодаря им стало возможно делать тоньше бронезащиту, полагаясь на активные, а не на пассивные средства. Новые русские разработки опрокидывали этот расклад. Смертельно опасным становилось простое патрулирование ногами, *foot patrol*. Из такой винтовки можно стрелять с ходу – выскочил из подворотни и стреляй как из РПГ. Каждое попадание в солдата из такой винтовки означало неминуемую смерть, каждая атака блокпоста и патруля добавляла по два – три убитых в статистику.

Неплохо отстрелялся Ижмаш. Помимо новых снайперских винтовок были представлены два варианта ручных малокалиберных пушек. Первая – классическая конструкция, однозарядная пушка на станке от тяжелого пулемёта, зато вторая... Реинкарнация швейцарской системы ARPAD600, ручная пушка, которой можно стрелять с плеча с артиллерийской системой отката. Поражал чудовищный калибр этих устройств – 30 мм, снаряд от 2А42. Такой штукой можно было сбить зависший вертолёт с одного выстрела, поразить БТР типа «Страйкер» в самом тяжелом варианте, БМП «Бредли», любой MRAP – даже танк в некоторые проекции с боков и кормы. Уязвимым становилось абсолютно всё, против этого не срабатывали никакие системы активной защиты. Блок-посты, базы, патрули... абсолютно всё.

Остальное... в принципе хорошо известно. КОРД без станка – единственный пулемёт калибра 12,7, который можно было применять с сошек. «Шмель» – в Украине все уже хорошо узнали, что такое «Шмель» – один выстрел и несколько погибших; выживших после применения «Шмеля», не было никогда. Простейшие прицелы на старые автоматы, повышающие точность стрельбы навскидку.

Всё показанное оружие объединяло одно. Малая пригодность в высокотехнологичной войне – и чрезвычайная эффективность в войне партизанской; это оружие могло при массированном применении повысить уровень безвозвратных потерь не то что в разы – на порядок. При попадании такого в любую горячую точку американцам оставалось лишь два выхода – либо устраивать геноцид, вспоминая лучшие образцы поведения гитлеровских СС – либо сворачиваться и бежать со всех ног. Бежать и надеяться, что не пойдут следом. Или – применять ядерное оружие...

И всё это было не для российской армии – хотя и для неё тоже. Всё это готовилось для иррегулярных партизанских формирований по всему миру.

И конечно, это было неправильно. Невцивилизованно и неправильно, это было возвратом к советской практике снабжения оружием террористов всех родов и видов. Неправильно? А с нами кто и когда поступал правильно, а? В Ливии в одиннадцатом – тоже поступили правильно?

И посеявший ветер – да пожнет бурю...

Северные территории Ливии. Пограничная зона. 13 июня 2015 года

Пустыня здесь обрывалась, переходя в невысокие, плоские, полузасыпанные песком холмы. Между Ливией и Египтом почти не было естественных преград. Когда-то давно здесь шла почти забытая сегодня война, Египет и Ливия воевали за приграничье, Египет – жадно смотрел на богатейшие нефтью месторождения Сирта. Война шла здесь и сейчас – только уже без танков, без артиллерии – нудная, тягучая, кровавая война. С одной стороны было озлобленное, нищее как церковная крыса, только что потерпевшее поражение в безнадежной войне с Израилем, жестоко расправившееся с собственным офицерским корпусом государство. С другой стороны было никем не признанное, принявшее на своей территории врага, тайно богатое племенное объединение, очень жестокое и беспощадное. Будь это двенадцатый – тринадцатый годы, и танки потомков фараонов скорее всего легко бы дошли до Триполи, наверняка египетские муллы казнили себя за ошибку, за то что бросились на вооруженный до зубов Израиль. Сейчас Египту ловить было уже нечего – квоты на нефть племенного объединения Каддафа разыгрывались в тайной и жестокой игре взрослыми дядями, попытка Египта вклиниться могла означать ракетный или бомбовый удар по Каиру, блокаду, вторжение. Оставалось только одно – копить злобу, содержать лагеря боевиков на своей территории, посылать банды через границу и беженцев – в расчете на то, что настанет ЧАС и можно будет потребовать своё. Ливийцы тоже особо не церемонились с противником – большая часть тех зверств, которые творились в лагерях беженцев действительно имели место быть, вот только творили их не миротворцы, не наёмники нефтяных компаний – а сами ливийцы. Ожесточившиеся, озлобившиеся, лишившиеся привычного образа жизни, они не жалели ни себя, ни других, применяя старый, отлично действующий на Востоке закон – в собственной безопасности можно быть уверенным только тогда, когда вся семья твоего врага погибла от твоей руки...

Ударная группа полковника Омара – шестнадцать человек, считая его самого – располагалась на холме, с которого прекрасно просматривалась и простреливалась идущая здесь в приграничных ливийских горах, едва заметная тайная тропа. На шестнадцать человек у них было два пулемёта ПК, два южноафриканских ручных револьверных гранатомета, одна снайперская винтовка и двенадцать автоматов и ручных пулемётов Калашникова. Ручные пулемёты здесь ценили больше чем автоматы из-за специфики ТВД – пустыни, горы, большие расстояния. Это был спецназ, «самопальный» – но всё-таки спецназ. На автоматах были глушители и ночные прицелы – у каждого. РПК не позволял использовать глушитель, но выточенные в местной мастерской пламегасители были. Противотанковых гранатомётов не было, потому что не предполагалось наличия танков – а с живой силой и легкой техникой прекрасно справлялись револьверные гранатометы из ЮАР, которые пробивали до восьмисот метров¹⁷. Ещё у них были мины направленного действия, которыми они заминировали дорогу.

Семнадцатый боец лежал примерно в полумиле от позиций основной группы.

Николай пошел на это сознательно и вопреки настояниям полковника Омара – он не мог постоянно находиться с группой, ливийцы должны были не только научиться справляться самостоятельно, но и передавать опыт остальным, в случае большой войны, – и самостоятельно собирать и брать командование над партизанскими отрядами. Увы... ливийцы, поразительно гордые и даже спесивые в жизни, во время войны, как командиры, были почти беспомощны. Одни не могли командовать, другие не могли подчиняться. Как правильно заметили израильтяне, арабы – отличные воины, но чертовски скверные солдаты. А все дело в том, что они

¹⁷ Это не выдумка. Такой вариант существует – со спецгранатами действительно можно вести беспокоящий огонь до восьмисот метров.

патологически не могут подчиняться один другому в обход традиционной, кланово-патриархальной системы. Даже если понимают, что они в армии и подчинение необходимо – всё равно не будут. А вот русскому – они подчинятся с удовольствием, потому что русский – человек со стороны и подчиниться ему – не оскорбительно для чести. По-моему ещё немцы сказали, что лучшие в мире войска – это туземные солдаты под командованием белых офицеров¹⁸.

Николай в данной ситуации в одиночку выполнял роль стоп-команды, которая должна была предотвратить организованное отступление противника назад по дороге и его перегруппировку для проведения контратаки. Кроме винтовки – для этого он располагал тремя минами МОН-50, две из них он поставил, чтобы перекрыть дорогу, в третью – чтобы защитить свою позицию. Он прекрасно понимал, что для создания надежной стоп-позиции тут нужен хотя был пулемётный расчет. Но он сознательно пошел на риск по нескольким причинам. Одна из них пулемётный расчет с пулемётом замаскировать куда сложнее, чем позицию одиночного снайпера – а противник не должен обнаружить засаду до того, как втянется на заминированный и простреливаемый участок дороги. С позиции Николая, он, кстати, просматривался менее чем на треть. Вторая причина – он не хотел брать с собой ни одного из ливийцев, потому что, в конце концов, и они должны стать единой командой, и сам Николай должен показать себя как воин, которому в одиночку под силу справиться с десятками врагов – если дойдет до этого. Культ героя-одиночки, всадника на белом коне (или сильном верблюде) здесь был очень силен, его невозможно было игнорировать – можно было только учитывать и стараться соответствовать.

Происходящее напоминало ему Чечню с той лишь разницей, что здесь не было лесов, совсем почти не было растительности. Именно этим занимался их спецотряд, имевший в эфире позывной «Скорпион». По сути они вели малую войну, были маневренной группой как в 20-е годы во время борьбы с басмачеством в Азии. Небольшая, хорошо вооруженная носимым оружием группа, гранатомётчиков вдвое больше, чем нужно по штату, больше пулемётчиков и снайперов. Штатная единица численности – не отделение, как в армии, а четверка – автоматчик, пулемётчик, гранатомётчик, снайпер. Они устраивали засады, бродили по лесам, выставляли секреты у селений, где кишмя кишели боевики – короче говоря, делали всё, что и должен сейчас уметь делать профессиональный солдат. Несколько дней профессионального наблюдения за селом, с отметками домов, где есть схроны, или куда по ночам ходят на постой бородачи с гор, давали возможность провести потом адресную, почти без потерь зачистку, не ломиться во все двери подряд, наживая себе врагов. а идти туда, куда нужно. Потом, после таких зачисток пехотные командиры получали поощрения, а боевики начинали разборку между собой, подозревая, что кто-то настучал. Чеченцы вообще в чем-то были наивны как дети, они были сильны духом, но обмануть их можно было запросто. Даже не интересно было...

А здесь вот – всё не так...

Если на Кавказе существует культ силы и справедливости, то тут существует культ притворства и лжи. Николай был своим, но лгали даже ему, причем иногда без видимой на то причины, просто лгали и всё, наверное, уже не умели по-другому. Первоначально это раздражало до бешенства... но пришлось смириться – народ не переделаешь. Это был, видимо, отголосок ещё крестовых походов – правда, теперь арабы лгали и друг другу. Ещё тут воровали... нужно было постоянно следить за своим бумажником, своим снаряжением, своей машиной... пропало всё, буквально в секунду. Могли украсть часы с руки. Самое интересное, здесь это считалось нормальным и осуждению не подвергалось, несмотря на то, что по шариату за воровство полагалось отсечение кисти руки.

¹⁸ Точнее – черные солдаты под командованием белых офицеров. Это слова Пауля фон Леттова – Форбека, который в первую мировую делал потрясающие вещи. В отличие от англичан – он свободно привлекал племенные африканские формирования и создавал полки буквально из ничего.

В общем... весело тут было...

На горизонте отсветом полыхнули фары.

Николай насторожился. Отсвет повторился – как минимум одна машина шла, переваливаясь на ухабах, свет фар иногда упирался в небо.

Он дернул за тонкую леску один раз... леска была самым надежным способом оповещения, духи были не дураки, они слушали эфир и даже щелчок тоном рации – мог их насторожить. Леска была легкой, она почти ничего не весила и могла пригодиться в десятке разных ситуаций. Один рывок – приготовиться, два – вижу цель, готовность, три – отбой...

Машины вылезли из-за поворота... дорога здесь вихляла узкой, каменистой змеей между валунов и по низинам... и тут Николай начал понимать, что конвой по размерам намного больше, чем они предполагали. В нём были грузовые машины, самые настоящие армейские грузовики, которые могут везти прорву людей и имущества в отличие от маленьких пикапов «Мицубиши» и «Тойота», в кузовах которых могли разместиться шестеро или четверо с пожитками. Один... два. Два носатых армейских грузовика, скорее всего американское старье или новый Китай и пикапы... И ещё одна хрень. Головной пикап был выполнен как примитивный гантрак – самодельное бронирование кузова и пулемёт ДШК с местом пулемётчика, защищенные самодельным вращающимся щитом. Обычно, когда караваны идут по своей территории – такие машины их не сопровождают... а тут она была, да ещё в сочетании с двумя армейскими грузовиками.

Николай не раздумывая, дернул леску три раза. Пропускаем... нечего и думать. О такой караван можно было обломать зубы и потерять всех людей.

Ждать следующего?

Николай не рискнул пошевелиться, чтобы посмотреть на часы, но по его прикидкам время было – между часом и двумя по местному времени. К границе они подойдут часа в четыре. Там сделано минирование, выставлены посты; но это ни хрена не значит, где-то уже договорились, иначе бы не шли. Там они по-быстрому перейдут на другую сторону, там их уже будут ждать ливийские машины и где-то с рассветом они будут в ближайшем лагере беженцев. И люди и груз. А потом – они уже растекутся, пойдут по местам, куда намечали, часть останется здесь, часть пойдет на Запад, чтобы присоединиться к ведущейся там борьбе. Египетские братья-мусульмане были тоже не дураки, они не ставили все ставки на одно поле... далеко не все исламисты действовали на востоке страны. Ещё больше – действовали на западе, в центре, в зоне объединения Варфалла. Там, в отличие от племени Каддафа всегда находились люди, мятежные власти, там осели немало боевиков-исламистов, в том числе и тех, кто отбывал наказание в Гуантанамо за терроризм. Восстание должно было начаться не здесь, в зоне примитивных Каддафа, которые просто хотели вернуть всё, как было, или просто получать доходы от нефти. Оно должно было начаться в Триполи, бывшей столице, где в ожидании гуманитарной помощи скопились беженцы, где был интернет, и где единственное, что работало, как следует, так это мечети и исламские фонды, закупающие и распределяющие продовольствие без лишней, типичной для ООН бюрократии. Оно должно было начаться на западе страны, где скопилось большое количество людей, которые считали, что их обманули, что революция не дала им того, что они хотели – они хотели власти и справедливости, а оказались без работы и никому не нужны. Это и был хворост исламской революции, хворост, обильно политый жирной ливийской нефтью и...

Там, на дороге, куда ушла колонна, раздался взрыв, затем ещё один. Словно спохватившись, заработали пулемёты.

Вляпались!

В том, что ливийцы Омара не справятся с таким противником, Николай не сомневался ни на миг. В лучшем случае, им удастся выбить половину за счет эффекта внезапности, после чего у противника все равно останется втрое большее численное превосходство. Для спецназа

40-й армии – вполне нормальный расклад, можно дальше воевать, тем более местность благоприятствует. Но так как и с той и другой стороны были арабы...

Уже не рассчитывая на преимущества своей защищенной позиции – Николай встал и бросился бежать вниз по пологому, длинному склону, молясь всем богам о том, чтобы не сломать ногу и не наступить на что-нибудь. Например, на змею – а змеи здесь были. Или на мину... минные поля были западнее и севернее... но чем черт не шутит. Карт минных полей здесь никогда не составляли, делали, что Аллах на душу пошлет.

Так... ага.

Одна из машин, небронированный пикап, идущий замыкающим, резко сдавал назад, в кузове в полный рост стоял боевик; он вел огонь из пулемёта, оперев его сошками на крышу кабины, слева, прикрываясь машиной, отступали ещё двое и один или два были в кабине. Времени было всего несколько секунд, Николай плюхнулся на задницу – необычная, но удобная на наклонных поверхностях стрелковая стойка, позволяющая стабильно расположить винтовку. Цевьё он опёр об колено, впереди прихватил за ремень, наклонился вперед, чтобы компенсировать отдачу...

Боевики умерли, даже не поняв, что происходит, машина прокатилась назад ещё метров десять и остановилась, перекрыв дорогу. Глушитель скрал звуки выстрелов, термооптический прицел был румынским, но хорошим, с французской матрицей. Николай заметил ещё двоих боевиков и убил их прежде, чем кто-то начал соображать, что произошло.

В следующую секунду оглушительно гроыхнуло, шар огня и дыма распух во все стороны, перевернул набок только что остановленную им машину, ударная волна достала даже его. Он хватанул воздух, горячий, пахнувший сгоревшим бензином и взрывчаткой и понял, что в схватке наступил перелом. Встал, и побежал дальше, рассчитывая выйти на позицию, с которой дорога будет простреливаться полностью и он сможет записать на свой счет ещё несколько бородатых уродов. Если после детонации всего этого добра кто-то остался в живых...

* * *

Склон был завален горелыми обломками, внизу, на дороге на месте одного из грузовиков была воронка, остальные обгорели и были раскиданы во все стороны, мало что там можно было опознать. Неслабо досталось и ливийцам – на шестнадцать человек девять погибших.

Сил для ругани у Николая уже не осталось. Приближался рассвет.

– Отойдём, – он кивнул полковнику Омару, оставшемуся в живых, но сильно обжёгшемуся.

Полковник подошел. Николай не стал его бить кулаком, на глазах у подчиненных это было недопустимо. Но коленом в пах отвесил знатно – тот зашипел от боли и едва удержался на ногах.

– Какого хрена вы творите, что в башку въедет? Какого хрена ты не подчиняешься приказам? Что, шахидом стать захотелось?

– Но рафик Николай, настоящий воин не отступает перед врагом. Заступничеством Аллаха, мы победили...

– Да. Только не забывай, что у них, – Николай кивнул в сторону искореженных машин на дороге – может быть больше заступничества Аллаха, чем у нас. А ты потерял девять человек, большую часть своего отряда, твою мать. Что ты скажешь их родным?

– Что они умерли как подобает воину и мужчине, рафик Николай.

Да... А ведь это здесь такое реально прокатит. У нас всех долбают насчёт потерь, командиры теперь считают, что лучше не выполнить задание, чем даже просто рискнуть получить какие-то потери, тем более безвозвратные. Он знал случаи, когда командиры разведгрупп,

отходя от ПВД¹⁹ на километр-другой, останавливались на лёжку и так и лежали всё время, а потом возвращались и докладывали о проведенном патрулировании. Некоторые козлы ещё умудрялись и боеприпасы под боеконтакт списать, а потом продать, было и такое. А здесь... нет, здесь такой хрени и близко нет. Что с той, что с другой стороны – всё всерьёз, и если кто погиб, значит, погиб как мужчина, ему рай небесный и всё такое. Вот эта разница – неготовность терпеть даже единичные потери у одних и готовность класть на алтарь тысячи, десятки тысяч, год за годом, год за годом – и обуславливает всё то дерьмо, какое сейчас есть в Афганистане.

– Хорошо... – Николай не хотел спорить – Десять минут. Уходим...

Про себя Николай подумал, что не просто так они всё просрали. Мать твою, жили, как сыр в масле, слуги были, в армии вместо них служили племена с Чада, туареги, которые сейчас кусок нефтяных полей хотят. Шестнадцать тысяч долларов на человека – средний доход, жильё бесплатно, машины. А потом – надули им в уши, они и...

Чурки хреновы. Правильно им вламывают на каждом шагу.

¹⁹ Пункт временной дислокации.

Российская Федерация. Ближнее Подмосковье. Осень 2014 года

На периметре государственной дачи, раньше принадлежавшей КГБ СССР (так называемый объект АБЦ) – ещё с утра заняли позиции бойцы Национальной гвардии. Дивизия Дзержинского, ныне переименованная. Рослые, под два метра парни, французские боевые костюмы, новейшее оружие, броневики от КамАЗа, которые держат выстрел КПВТ в упор с любой проекции, малогабаритный беспилотный летательный аппарат, подававший картинку сразу в штабной бронетранспортёр, снайперы на крышах. На всех подходах к зданию выставили униформированные и скрытые секреты, проштрафившиеся бойцы распахивали в разные стороны снег широкими, желтыми лопатами под окрики сержантов. Всю ночь шёл снег, тяжелый, мокрый, с утра в Москве было не проехать, техники не хватало – но на дорогу, ведущую к АБС, выделили два немецких снегоуборщика, которые проходили по ней каждые полчаса. Было тепло – излишне тепло для этой последней мирной зимы. Снег копился на ветвях могильно-чёрных деревьев шапками, потом падал на землю с глухим хлопком. Заполосно каркали вороны...

Примерно к 11:00 стали съезжаться гости. Это было нормальное время для государственных мужей и для Москвы вообще: раньше оно звалось сталинским, теперь – куршавельским. В отличие от обычных людей, которые в 7 часов утра толкались на станциях метро, ругаясь, лезли в автобусы и маршрутки, чиновники обычно просыпались в 9–9:30, ещё у них оставалось время не спеша позавтракать, сходить в спортивный клуб и сделать все другие нужные дела перед тем, как явиться на работу. Опытные люди знали – до обеда никакие дела чиновная Москва не решает. Она просыпается. При Сталине было то же самое – правда при Сталине в министерствах работали до 24:00 (с большим вечерним перерывом в три часа на то, чтобы съездить домой покушать или прикорнуть на кушетке). Сейчас же в Москве – в пять часов уже мало кого можно было найти на своем рабочем месте. Кому надо в банк, кому – прикупить недвижимость или решить вопросы по предприятиям, которые принадлежат жене, потом – в ночной клуб или обычный, дорогой и пристойный ресторан. Посиделки как раз и затягивались до 11, до 12 часов, а то и дольше. Да... не сталинские в Москве были времена. Не сталинские.

В съезжавшихся в это время к особняку кортежах и одиночных машинах люди были разные. Из старой гвардии один-два и обчелся, после событий горячего лета четырнадцатого года президент сменил почти весь силовой блок. В общем-то тот же министр обороны или директор ФСБ были не так уж виновны в провале, а российская армия показала себя далеко не с худшей стороны: достичь полного господства в воздухе НАТО так и не удалось, русские мотострелковые части было не разбиты наголову, а организованно отступили, прикрыв отход беженцев, потери польского контингента и остатков украинской армии значительно превысили запланированные, а замирить территорию центральной и восточной Украины так и не удалось – из открытого конфликта война перешла в состояние вялотекущей партизанской. Но Президент России потому и оставался ее Президентом – он почти инстинктивно чувствовал, когда и что надо сделать. Сейчас он понял, что весь силовой блок не то, чтобы не соответствует должности – он не соответствует тем задачам, которые придётся решать в ближайшем будущем. Вероятная война с НАТО за освобождение Украины – а ее планировали на 2016–2017 год – требовали совершенно других людей. Поэтому силовой блок был тщательно пересортирован, многие самостоятельно подали в отставку, не дожидаясь оргвыводов. К сожалению, в числе тех, кто был назначен на освободившиеся посты, был осведомитель МОССАД. Но это даже было на руку – специальная группа контролировала его активность, из канала информации он превратился в канал дезинформации. Совещание было подстроено так, что на нём этого человека не было – несколько подредактированную версию решений этого совещания – ему передадут позже.

Среди современного чиновничества хорошим тоном считалось накатить перед серьезным совещанием по рюмашке: это пошло ещё с позднесоветских времен, когда лояльность и разумность того или иного человека проверялась в том числе на пьянках – что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Но сейчас спиртное не подали, подали минеральную воду – а если бы даже и подали, мало бы кто осмелился. Страх в чиновной среде, вызванный самыми радикальными чистками за последние двадцать лет ещё не улегся, и вылететь можно было за буквально мелочь. К тому же среди тех, кто присутствовал здесь, многие ещё были непривычны к нравам высоких кабинетов, чувствовали себя скованно. Впрочем – тарталеткам с икрой и морепродуктами уделили внимание все – вряд ли в этом могли найти что-то плохое.

Когда во дворе поднялась снеговая пыль – тяжелые, бронированные стекла с системой противодействия прослушиванию не пропускали ни единого звука – по людям шепотом пронеслась волна: «Президент...».

* * *

Президент Российской Федерации, чуть хромая – ещё не оправился от последствий покушения – вошел в зал, махнул рукой: садитесь. Невидимые ассистенты приглушили свет.

– Ну, всё, начнем... – сказал президент без особых предисловий – Иван Валентинович, сперва предоставим слово вам. Ваш доклад основной, дальше дискуссия и выработка решений...

Как это всегда и бывало, текст выступления был заранее отпечатан и роздан. Чиновники высшего ранга читали его в присутствии в кабинете спецкурьера, затем ему же и сдавали под роспись экземпляры доклада. Никаких копий, никаких заметок делать не позволялось...

Иван Валентинович, бывший высокопоставленный сотрудник МИД, президент недавно организованной Академии национальной безопасности, встал, прошёл к новенькой, сделанной из прочного стекла прозрачной трибуне с золотым орлом. Это был достаточно пожилой человек, он начинал ещё при Андропове...

– К текущей ситуации товарищи... – глухим, хорошо поставленным голосом начал он. – Произошедшее на Украине несколько месяцев назад показало бесперспективность и бесплодность любых попыток нашего сближения с Западом, попыток встраивания в западную внешнюю политику, попыток вступления в институты, обеспечивающие безопасность западного мира. Вопрос сейчас уже стоит не в принципиальном противоборстве двух систем: капитализма и социализма – наш капитализм в некоторых вопросах даже более приближен к оригиналу, чем мутировавший западный с сильными элементами социализма. Вопрос не стоит в противостоянии: свобода – несвобода: наши граждане сейчас пользуются всеми основными правами и свободами, включая право на ведение бизнеса, право на временный или постоянный выезд за границу, право на обращение в международные суды, в том числе и против государства, право на личную неприкосновенность и неприкосновенность имущества. Вопрос не стоит и в ракурсе векового противостояния России и западного мира. Вопрос на сегодняшний день стоит так: события на Украине показали, что западные политические элиты расколоты по ключевым вопросам, не способны к рациональному целеполаганию и долгосрочному планированию, принимают решения, в основном исходя из сиюминутных соображений, не способны рационально просчитать последствия принимаемых решений. Более того – как выходит из последних публикаций в «Вашингтон пост» – решение об оказании военной помощи Польше в ее агрессии на Украине и массированном ракетно-бомбовом ударе по российским частям и соединениям принималось американской администрацией под сильным давлением, вероятно под угрозой опубликовать некоторые разоблачительные материалы и в обход законной процедуры, предусмотренной для таких случаев. Вскрытые журналистами факты столь серьезны, что сейчас решается вопрос о создании двухпалатной комиссии Конгресса и Сената для заслуши-

вания свидетелей, рассмотрения имеющихся материалов и решения вопроса о возбуждении процедуры импичмента. Ещё до конца не исследованы деяния предыдущей администрации, но есть все основания предполагать, что и они принимались под давлением, в том числе коррупционного характера. Таким образом, следует признать, что у Российской Федерации нет иного выхода, кроме как решительно отмежеваться от полностью обанкротившейся на последнее время политики, проводимой Западом и, прежде всего США, и решительно заявить свои интересы как диаметрально противоположные американским.

За последние пять лет, товарищи, ситуация в регионе Среднего, Ближнего Востока и Северной Африки резко обострилась не только при попустительстве, но и при прямом содействии США. Впервые за всю историю современного человечества, мы близки к созданию агрессивного исламского Халифата. Его контуры: Синцзяно-Уйгурский автономный округ Китая – Пакистан – Афганистан – Иран – Ирак – Сирия – Йемен – далее Египет, Ливия, в перспективе – северный и южный Судан, Алжир, Марокко. На сегодняшний день во всех этих странах более половины, во многих случаях не менее 4/5 населения исповедует агрессивный ислам. Цель этого Халифата, явно и прямо провозглашаемая многими авторитетными проповедниками и богословами – исламизация всего мира, атаки на все христианские, католические, протестантские страны с целью их исламизации. Первоначальными целями этого Халифата видится захват власти на Аравийском полуострове – при этом в руки фанатиков попадет значительное количество сверхсовременного оружия, закупленного монархиями Залива в США и у нас. Далее – ликвидация Израиля как государства и массированное наступление на север. Цели – Кавказ, Средняя Азия, российские республики Поволжья, где уже наблюдается опасный рост экстремизма и сепаратизма. При этом у противостоящей нам стороны будет не только многократное численное превосходство в живой силе, но и ядерное оружие, которое они получают из Пакистана, а так же современные вооружения из стран Аравийского полуострова.

Иван Валентинович прервался, чтобы глотнуть воды. Глянул – как Президент. Президент слушал с доброжелательным видом.

– ... на сегодняшний день Соединенным штатам Америки, товарищи, удастся удерживать ситуацию за счёт контроля над Афганистаном и странами Залива, ограниченного присутствия в монархиях стран Залива, дислокации крупной группировки сил в Кувейте, южном Ираке и небольшой части Западного Ирана. Однако, ситуация в странах описанной мною цепи не только не улучшается, но и продолжает ухудшаться, присутствие американских войск и сил НАТО расценивается, как присутствие оккупантов, и служит дополнительным мощным фактором мобилизации радикально настроенных масс, прежде всего молодежи. В то же время общественность США устала от войны, в которой не видно никакого победного конца, а американский государственный бюджет находится в самом худшем состоянии со времен Великой Депрессии. Следует предполагать, что в случае импичмента действующего или выборов нового Президента США – он будет вынужден под давлением общественности принять решение об экстренной эвакуации всего военного и гражданского персонала Соединенных штатов из стран Цепи – после чего ситуация начнет развиваться по неконтролируемому сценарию.

В этих условиях, товарищи, мы должны быть благодарны Соединенным штатам Америки за полученную нами передышку в пятнадцать лет, в течение которых мы смогли консолидировать ресурсы и запустить масштабную программу перевооружения. Но нам остался год, в лучшем случае два от этой передышки – после чего мы вынуждены будем принять всю ответственность за состояние дел на континенте на себя. В отличие от Соединенных штатов, нам некуда эвакуировать ни военных, ни гражданское население, а проигрыш грозит нам не сменой администрации – а полным уничтожением, как России, так и русского народа.

Нам следует понимать, с кем мы имеем дело. Организующаяся в странах цепи структура власти, общества, вооруженных сил аморфна – но в то же время чрезвычайно действенна и устойчива к агрессивным внешним воздействиям. Она состоит из двух частей – государства

и внегосударственных объединений, основанных на этнической и религиозной общности его членов. Мы можем воздействовать на первое – но ни мы, ни НАТО понятия не имеем, что делать со вторым. При этом, наибольшую опасность представляют как раз внегосударственные формации.

Ислам, товарищи, если речь идет о классическом исламе – предполагает отрицание государства в западном его понимании и устройство жизни на основе самоуправляемых объединений жителей тех или иных территорий – так называемых умм. Умма – первичная ячейка самоуправления; она возглавляется местным муллой, который осуществляет и исполнительные и судебные функции на своих территориях в соответствии с законами шариата. В случае общей военной опасности шариатом предписано выступление всего мужского боеспособного населения в виде пешего и конного ополчения, при этом тем, кто пал в бою за ислам гарантируется высшая степень рая – так называемый шахидизм. Законодательная власть в данном государстве выступает в виде тех же мулл, но получивших более продвинутое образование по вопросам шариата и собранием высшего духовенства признанных муджтахидами – то есть людьми, имеющими право давать разъяснения по вопросам веры – так называемые фикхи. Таким образом, государство в традиционном исламе выступает в виде чрезвычайно рыхлой конфедерации, а некоторые функции, присущие современному государству, в таком государстве полностью отсутствуют.

Современный же ислам полностью извратил концепцию демократического государства и приспособил ее под свои нужды. Государство современной исламской умме нужно, чтобы воспользоваться всеми преимуществами международного права, в том числе и правом на суверенитет, невмешательство, правом легально закупать и производить оружие, в том числе оружие массового уничтожения. При этом государства, попавшие под власть исламских экстремистов, требуют уважения к себе, но ведут крайне агрессивную политику в отношении своих соседей: организуют на своей территории лагеря повстанцев – исламистов и сепаратистов, обучают и засылают бандгруппы с оружием, поддерживают и финансируют сепаратистскую и террористическую деятельность. В целом это похоже на действия коммунистического Интернационала: конечной, прямо провозглашаемой целью является распространение собственной доктрины на все страны мира, любые средства во имя этой цели признаются допустимыми – но в то же время существуют государства-укрытия, где скрываются от заслуженного возмездия боевики и террористы. Это образует пробел в современном международном праве, который не закрыт до сих пор: при каких условиях допустимо нападение на такое государство с целью пресечения его подрывной деятельности? И как быть, если подавляющее большинство населения этого государства такую деятельность поддерживает?

Современные исламские партии взяли на вооружение такой инструмент, как выборы. При этом – исламистская партия, идя на выборы, провозглашает, что все, кто проголосуют против ее кандидатов – голосуют против Аллаха, а значит – подлежат уничтожению. Точно так же оказывается давление на военных и гражданских чиновников такого государства: поддержи нас, наш приход к власти неизбежен, и если ты нас не поддержишь, то, придя к власти, мы убьем тебя и всю твою семью. Произошедшие в десятом, одиннадцатом и двенадцатом годах события показывают, что классическая государственная машина западного типа, построенная в условиях Востока, совершенно не отвечает вызовам времени и способна разрушиться в течение месяцев или даже недель. Особенно, если действенную помощь в этом окажет международное сообщество.

Произошедшие на Ближнем Востоке и в Северной Африке события показали принципиальную неспособность международного сообщества ответить на новые вызовы. Понятия «демократия», «права человека», «право на протест» фетишизируются, решения принимаются исходя из западных принципов и ценностей, при этом совершенно не учитывается складывающаяся обстановка. Как показала практика: захват стран исламистами происходит по

одному и тому же принципу. Первоначально в ход идут мирные массовые протесты и демонстрации. На них выходят все и по самым разным мотивам: начиная от длительного отсутствия работы и заканчивая простой усталостью от правящего много лет диктатора и желания перемен. Данные страны не могут существовать в условиях длительных массовых протестов, в этих странах силен вождизм, такие протесты считаются вызовом власти и лично диктатору. Одновременно такие протесты дестабилизируют государственную машину, армию и правоохранительные органы страны: часть военных, полицейских и чиновников начинают задумываться о своём будущем, часть могут даже присоединиться к протестам. Диктатор приказывает применить силу против восставших, а если не приказывает, то его доводят до этого совершением террористических актов. После чего с одной стороны вступают в дело радикалы, с другой стороны – международное сообщество, которому предъявляются явные доказательства произвола и подавления. В результате власть переходит к исламистам либо по мягкому, как в Египте, либо по жёсткому, как в Ливии, варианту. При этом, взяв власть, исламисты уже не собираются проводить регулярные выборы и отказываться от нее...

В нашем случае, товарищи, нам придется иметь дело с разносторонними и разноплановыми угрозами. Во-первых, нам придётся иметь дело с опасными проявлениями предательства, с деятельностью пятой колонны, которая сильна не только на Кавказе, но уже и в Поволжье. Во-вторых, нам придется иметь дело с государственными образованиями, захваченными исламистами, и тут нам придётся делать выбор: либо мы официально объявляем им войну и попадаем под огонь международной критики, либо мы ведем против них необъявленную войну и снова попадаем под огонь критики. В третьих, нам придётся иметь дело с исламскими партиями и организациями, в которые будет объединены наступающие на нас враги. Это опаснее всего. Мы не сможем одержать против них победу как в классической войне – разрушив их инфраструктуру, разгромив их армию, даже взяв их столицу. Если мы, к примеру, решим занять место американцев в Афганистане, мы сможем оккупировать страну максимум за месяц, но всё, чего мы добьёмся – ещё многих лет войны, уже против нас. Противостоящий нам враг спаян общей, очень сильной идеологией и целью, он не нуждается в тыловом обеспечении, в военной промышленности и классическом армейском командовании. Это небольшие, спаянные группы фанатиков, которые могут воевать без поддержки и готовы при этом погибнуть – но нанести ущерб нам. Остается только понять – какой ущерб для нас неприемлемый. А для нас неприемлем практически любой ущерб, я прав, товарищ Президент?

– Правы, Иван Валентинович.

– Таким образом, товарищи, мне видится, что затормозить или даже сделать невозможным наступление на Россию с юга мы можем только одним способом. Тем, которым не воспользовались ни американцы, ни НАТО в полной мере. Это столкнуть лбами агрессивный национализм и агрессивный ислам.

Не стоит забывать, товарищи, что большинство стран, о которых идет речь, которые вошли в состав Цепи – это страны, ранее входившие в социалистический лагерь. БААС, партия арабского социализма – до сих пор популярна на Востоке, в разных странах есть люди, которые разделяют ее воззрения. До сих пор на этой территории есть люди, которые учились в СССР и России, помнят что такое социализм, жаждут модернизации. В то же время ислам, тем более агрессивный ислам, не может предложить никакой позитивной программы модернизации, товарищи. Всё, что он может – это обвинять Запад, отправлять против него боевиков и террористов, молиться Аллаху и отрезать головы на площадях. Чаще всего, после свержения нормального, цивилизованного пусть и диктаторского государства, к власти приходят малограмотные, не имеющие никакого опыта люди, которые к тому же начинают использовать власть для сведения счетов с врагами своей религии и с личными врагами. Всё это видят люди, и доверие к исламистам, как к новой силе, быстро утрачивается. Нужно просто предложить этим людям альтернативу. Альтернатива будет – в единении на основе одной национальности,

а не одной религии. Возможно, в других территориальных границах – но всё же. У многих стран Востока, у многих народов Востока существуют давние споры и счеты между собой; и в этом случае исламисты, с их программой исламского интернационализма и верности исламу, а не роду, племени, народу – полностью противоречат тому, что знают люди. Люди могут временно согласиться – но в душе всё равно будут думать по-своему. Если мы выявим и соберём этих людей, дадим им оружие, предоставим иную поддержку, исламским правительствам придется сражаться у себя в тылу, а не посылать орды боевиков на джихад против России. Таким образом, в худшем случае мы выиграем некоторое время, в лучшем – полностью сломаем игру и восстановим диктатуру БААС или аналогичных партий в Ливии, Египте, Сирии, Ираке, возможно даже, в Афганистане. В большинстве этих стран времени прошло немного, люди помнят, как они жили до насильственной исламизации и шансы у нас, я считаю, хорошие...

Президент вежливо похлопал.

– У вас всё?

– Да, всё, товарищ президент.

– Вопросы, возражения.

Поднялся человек с седой бородой.

– Разрешите?

– Конечно.

Человек откашлялся. Это был профессор МГУ, один из специалистов по вопросам ислама. В течение двадцати лет он был сотрудником различных посольств в регионе, доработался до должности Чрезвычайного и Полномочного посла.

– Господа, – здесь обращались по-разному, кто «товарищи», а кто и «господа», – я прочел этот доклад и наложил его на собственный опыт работы в странах, о которых идет речь. А я работал, по меньшей мере, в половине этих стран – и бывал едва ли не во всех. Так вот, господа, прочитанный нам доклад затрагивает только геополитические проблемы, но не затрагивает главного. Мы, как и американцы, пытаемся манипулировать людьми, но при этом не задаемся вопросом – а что им нужно на самом деле. Что они хотят? Почему – они так ненавидят этот мир, что они готовы подорваться, пожертвовать своей жизнью, только чтобы убить кого-то из нас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.